

Юлия Миронова

Переводы
с языка
дельфинов

Юлия Миронова

Переводы с языка дельфинов

«Рама Паблишинг»

2015

Миронова Ю.

Переводы с языка дельфинов / Ю. Миронова — «Рама
Пабблишинг», 2015

Жизнь молодой красавицы Алины складывалась именно так, как она мечтала: учеба в университете, работа в престижной компании, обеспеченное замужество, до безумия влюбленный муж и, наконец, венец счастья – рождение ребенка. Но страшный диагноз сына прозвучал как приговор. Сказочная жизнь превратилась в полную драматических событий реальность. Чтобы преодолеть обстоятельства, Алине придется сделать свой главный жизненный выбор. Это захватывающая история об испытаниях и о безграничных возможностях материнской любви во имя жизни своего ребенка.

Содержание

От автора	6
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	34
Глава 6	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Юлия Миронова

Переводы с языка дельфинов

© ООО «Рама Публишинг», 2015

* * *

Надежда... Вот она, самая коварная змея! Ты валишься с ног, но она поднимает тебя и заставляет идти дальше. Раз за разом ты понимаешь, что чуда не случилось и, быть может, не случится – но надежда снова гонит тебя вперед...

От автора

Начиная писать эту книгу, я очень торопилась. Мне казалось, что у меня уже никогда не будет столько потрясающего материала, от которого мне самой хотелось плакать и смеяться. Забавно это слышать от матери аутиста, не правда ли? Однако с каждым годом я осознавала проблему все глубже, пока наконец не поняла: такая книга должна быть не просто чтивом, но глобальным, переворачивающим сознание откровением.

Эта книга отчасти документальна: у всех детей есть реальные прототипы. Их симптомы аутизма и основные существовавшие в период написания книги методы лечения также списаны с натуры. Все взрослые, однако, выдуманы, а совпадения случайны.

Матери особых детей – это героические женщины, но они не любят, когда им об этом говорят, ведь это не их личный выбор. Но даже если личный (в случае усыновления), то не крест, а событие, перевернувшее жизнь. Чаше, чем обычные родители, сталкиваясь с жизнью и смертью, красотой и уродством, логикой и безумием, они словно бы поднимаются над ежедневной суетой и обретают истинный смысл жизни. Порой они снисходительно смотрят на обычных матерей, озабоченных дракой сына или тройкой дочери в школе и переживающих из-за такой, в сущности, ерунды. Но никогда не скажут об этом вслух, ведь они сами были такие же беззаботные.

Когда-то давно. До того, как...

Глава 1

Еще мгновение назад все было нормально. Алина брала одной рукой курицу гриль, а второй тыкала в витрину:

– Вот эту картошку в «четверку», пожалуйста!

Продавщица взяла контейнер и огромную ложку, всю в рыжих потеках растительного масла, и стала ловко набивать его картошкой доверху. Контейнер был взвешен, заклеен, передан Алине, и вдруг на пути в тележку он дрогнул и грузно вывалился на решетчатое дно из внезапно ослабшей руки.

– Вова! Вовик, ты где?! Вовочка, Вова!

Но уже было поздно. Удушливая паника стала захлестывать ее, начиная с горла, потом сжимая грудь и живот. Куда бежать? Где этот сорванец мог быть теперь? Ведь он еще мгновение назад сидел в тележке и увлеченно следил за процедурой покупки курицы. Она же отвернулась всего на пару секунд, как за это время вообще можно выбраться из тележки?

Все события с момента входа в магазин вспомнились ей максимально четко. Она припарковалась на подземной парковке, как можно ближе к входу. Затем Вова потащил ее за руку к эскалаторам. Поднимаясь наверх, он настойчиво засовывал палец в щель между толстой резиновой змеей перил и движущимися прозрачными стенками эскалатора. Мешать ему Алина не решалась. Вова мог упасть прямо на ступеньках эскалатора, начать орать, биться головой и ногами обо все, что попадется. Так повелось уже давно, наверное, от недостатка внимания или неведомых ей огрехов в воспитании, но Алина не хотела об этом думать.

Далее они проследовали к тележкам, причем Вовик со смехом обогнал мать и побежал вперед, торопясь и подпрыгивая странными скачками. Руки его маленькими крылышками были поджаты вверх и дергано болтались на бегу. Ему еще не было трех, но, уже рослый и широкий, он вполне мог бы сойти за четырехлетнего. Однако стоило взглянуть на его лицо, увидеть отвлеченный взгляд, послушать его тарабарскую болтовню – и каждый сразу понимал: это просто крупный младенец, несмышленный и неуклюжий.

Вова выбрал тележку, подтащил к матери и, взяв ее руки в свои, стал класть их на ручку тележки. Затем он попытался залезть в нее самостоятельно, но Алина подняла пудовое дитя и грузно плюхнула его в сиденье для малышей. Потом они шли установленным маршрутом. Маршрут был определен Вовой уже давно, с тех самых пор, как он смог впервые провести маму по замысловатому, ему одному известному пути следования по магазину. Соблюдая все сопутствующие ритуалы.

Перво-наперво мимо игрушек – ровные ряды китайских машинок и розовых кукол в коробках. За углом детская комната. Первый ритуал был такой. Алина вынимала Вову из тележки, подталкивала его к детской комнате со словами: «Хочешь? Хочешь?» Он делал вид, что хочет. Подходил ближе, шел мимо лавочек с карапузами, которых раздевали мамы, и наступал на ковер. В этот момент он замирал и ждал. Воспитатель в детской комнате говорила: «Чтобы у нас играть, нужно снять ботиночки». Если воспитатель была занята другими детьми, это же самое произносила сама Алина и тянулась к его стоптанным зимним кожаным ботам, которые он носил бессменно уже полгода и ничего другого надевать не давал. Вова издавал дикий выкрик и убегал с площадки. Она ловила его и сажала обратно в коляску. Конечно, покупатели оборачивались на этот крик и смотрели на нее и на ее сына, но Алина привыкла к этому еще с Вовиною младенчества. Ребенок кричит в магазине, что тут такого, от этого никто не умирал, он всегда здесь кричал.

Затем они шли мимо яиц – рядов самых разных цветных коробок – и выворачивали к кулинарии. Второй ритуал начинался здесь: Алина должна была остановиться и купить курицу гриль. Если бы она просто проехала мимо, он поднял бы такой крик, что сбежалась бы

половина магазина. Женщины бы стали давать советы и демонстрировать навыки успокаивания детей, мужчины с неодобрением смотрели бы на попытки Алины заставить сына замолчать, а продавцы, потеряв терпение, потребовали бы покинуть магазин.

Алина уже не могла вспомнить, когда именно Вовик стал диктовать ей, что и в каком порядке делать в магазине. Ведь сначала кажется таким естественным, что мать идет на все уступки, угадывает все желания, в то время как младенец имеет только одну возможность – кричать. Он кричит – ты его кормишь. Он кричит – ты берешь его на руки. Он кричит – ты качаешь его в коляске, снова кричит – и ты достаешь его из коляски. И вот уже ему скоро три года и у него новые потребности. Он кричит – и ты идешь по проторенному маршруту. Он кричит – ты покупаешь курицу гриль. Он кричит – и ты надеваешь ему старые ботинки, потому что если надеть новые, он станет кричать еще сильнее. Процесс стал уже таким естественным и привычным, что Алина освоила все требуемые правила и ритуалы так же, как и ранее приспособилась к необходимости кормить и вставать ночью.

И вот все навыки не помогли, ритуалы не сработали, она стоит одна посреди магазина и кричит «Вова! Вова!», хотя и понимает, что толку не будет.

Конечно, можно было пойти к сотрудникам. Пусть они объявят по громкой связи, пусть все продавцы и охранники бегают и ищут его, пусть потом женщина в зеленой форме приведет его, и попросит предъявить паспорт, и будет долго его изучать и неодобрительно цокать языком, как это было год назад. Но в тот раз ему было полтора, а теперь почти три.

Он не мог далеко убежать, не мог. Алина начала обходить ряды, один за другим, не уставая повторять: «Вова! Ты где? Вовка!» В какой-то момент она подумала, что не найдет его. Что тогда будет? Она вернется домой, к мужу, встанет посреди прихожей или, может, даже ляжет на пол и будет рыдать. Семен схватится за голову. Приедет свекровь, будет кричать: «А я что говорила? Какая она мать? Зачем ты вообще на ней женился? Почему ты меня не слушал?!»

Алина обходила ряды с кукурузой и зеленым горошком, потом с соками, сквозь слезы она уже ничего не видела. Где-то тут ее мальчик. Где же, куда ты спрятался, малыш? Она успокаивала себя лишь одним: Вова где-то здесь, в магазине, его не могли украсть. Если бы незнакомый человек взял бы его за руку или попытался дать ему конфетку, она мгновенно бы нашла его по разносящемуся по магазину дикому крику.

Магазин был огромный, она уже не помнила, где она была, где нет, и, решив начать сначала, вернулась к игрушкам. Там она его и нашла, в закутке, неподалеку от детской комнаты, полностью отрешенным от окружающего мира. Вовик лежал на полу, вжав ухо в грязные плиты, и внимательно наблюдал за колесиками машинки, которую он возил туда-сюда пухленькой ручкой.

Алина схватила его, начала целовать, оставила ему эту машинку и бросила в корзину еще пяток таких же. Срываясь на рыдания, но всхлипывая уже больше от счастья, Алина говорила ему стандартные в таких случаях слова: как она волновалась и чтобы он не смел убегать, – но Вова не поворачивал головы и никак не показывал, что слышит хоть что-то. Алина попыталась повернуть его лицо к себе, но он упрямо продолжал смотреть на вертящиеся колесики. Придавленная бессмысленностью происходящего, Алина взяла сына за руку, устало потащила тележку к кассе и стала в очередь.

Ошибкой было рожать. Ужасной, дурацкой ошибкой. Нет, конечно, надо было, потом, когда-нибудь, когда она станет старой, когда ей будет тридцать или даже тридцать пять. Но не сейчас! Не в самые прекрасные в ее жизни двадцать пять! У нее было все как в сказке: необременительная работа, обожающий обеспеченный муж, подружки, дискотеки, красивые шмотки... Жизнь играла всеми красками. Ради этого она уехала из унылой деревни, где ее

когда-то звали Аленой. Едва пересекши въезд в вожаденный город, утонченная и восхитительная Алина нещадно уничтожила и забыла Алену. Она была полна решимости изменить жизнь. Она холила и лелеяла свою природную красоту. Могла ходить голодной, но обязательно с маникюром, педикюром, укладкой. Она отказывала кавалерам, пока не нашла выгодную партию. Все это принесло плоды, именно такие, какие она ожидала, – вкусные, зрелые, источающие аромат шикарной жизни.

И вот когда все так удачно сложилось, Алина родила. Конечно, беременность была незапланированной, но она была так очарована перспективами заманчивого брака, что, ни на секунду не задумавшись, выложила Семену все, как оно есть. А после этого уже об аборте не могло быть и речи. Если бы Алина знала тогда, какой обузой может быть ребенок, она бы никогда не сделала такую глупость.

Беременность была легкой, и Алина была уверена, что после родов и вовсе вернется в эйфорию прежней жизни. Она немного опасалась проблем с бытом, стиркой, уборкой, готовкой. Но оказалось, что бытовых сложностей было намного меньше, чем она ожидала: пачка памперсов, стиральная машина и приходящая помощница решали все проблемы сразу. Хорошая медицинская страховка также внесла полновесный вклад в Алинино спокойствие – даже прививки Вове делали на дому.

Ни бытовых, ни прочих трудностей Алине преодолевать не пришлось. Но от этого контраст был еще сильнее. Никто не подготовил ее к той ужасной ответственности, которая внезапно свалилась на нее. Она не могла не думать о ребенке, она просыпалась по ночам не только для того, чтобы покормить Вовика, но и просто проверить, дышит ли он. Она звонила врачу при малейшем чихе или незначительном покраснении на Вовиных пухлых щечках. Она все время была настороже и никогда не могла расслабиться по-настоящему. Кроме того, Алине не давала покоя полная зависимость от ребенка, точнее от его наличия. Теперь они с мужем не могли, как раньше, ужинать допоздна в ресторане, а потом отправиться в клуб. Смотраться на выходные в Париж или провести целый день в спа-салоне стало невозможно. И казалось, что это навсегда.

Когда Вову отдали в садик, стало легче, но не намного. Если раньше она думала, что после родов станет порядочной домохозяйкой, то теперь она мечтала об одном: вернуться обратно на работу.

Сложив покупки в багажник новенькой «мазды» и усадив Вову в детское кресло, Алина села за руль. Она уже почти пришла в себя, произошедшее в магазине казалось ей еще одной обычной проблемой, поджидающей молодую мать на каждом шагу. Алина обернулась к сыну, который сосредоточенно разглядывал колеса машинки и нетерпеливо закручивал их снова и снова, как только они останавливались. Она хотела сказать ему что-нибудь, но, вдруг передумав, поджала губы и включила зажигание.

Всю дорогу до дома она размышляла о себе и сыне. Разве смысл жизни женщины должен заключаться только в ребенке? Алина Зубова никогда так не считала. В жизни человека, пусть даже и женщины, всегда есть чем заняться помимо бесконечного сюсюканья, кашек и разглядывания кашек. Но как ни пытайся отвлечься на что-либо более интересное, прежней вольготной, добеременной-дородовой жизни все равно не вернуть. И никакие няни и сады тут не помогут. Оставалось только смириться. И Алина старалась не заморачиваться.

– Сема, ты еду из машины взял? – спросила Алина.

Дома, наконец-то они дома! Она сдернула с Вовки ботинки и вытряхнула из них песок. Потянула штанишки вниз, привычно бормоча: «Мог бы и сам раздеться, тебе три года скоро». Вова стоял, опустив руки, и удивленно смотрел на стену, улыбаясь чему-то своему.

– Да, Алиночка. Но я у мамы поел. Давай просто кофе попьем, – предложил Семен. Алина поморщилась. Про маму свою мог бы и не напоминать.

– Да уж, мама твоя нас накормила...

Невежливо, конечно, но день выдался тяжелый. Первая весенняя поездка к свекрови на дачу уже не подарок. Да еще и Вова непрерывно орал, с дачи просился домой. Некстати закончились подгузники, пришлось дотягивать до магазина. А потом ходить по рядам супермаркета с невинным лицом, как бы не обращая внимания на подозрительную вонь. Но по крайней мере в тележке Вова успокаивался. Если, конечно, они обходили продуктовые ряды в строго заведенном порядке.

– Вот скажи, – вредничая, продолжила Алина, – чего она привязалась к моей юбке?

Она надела Вове тапки и отпустила сына. Мальчуган рванул в детскую. Эх, квартиру Семен купил для них просто классную, что уж говорить. Спальня, детская, гостиная, столовая. Даже кабинет! И огромная прихожая с двумя напольными вазами непонятного происхождения, но такими необычными и красивыми, что им было самое место в таком изысканном интерьере. Она открыла дверь в гардеробную и начала раскладывать по полкам уличную обувь.

– Не обращай внимания. Мама старой закалки, вся в науке, – попытался аккуратно замять скользкую тему муж.

– И что? Она-то за собой вон как следит! – Алину было не остановить. – А я один раз родила и теперь всю жизнь должна ходить как уборщица? В абы каком платье сорок восьмого размера, надетом прямо на спортивные штаны?

Семен возмутился:

– Ну уж нет! Так ты у меня ходить никогда не будешь!

Алина разложила наконец обувь и пристроила на место сумочку, а место ей полагалось строго над соответствующими туфлями. Потом она закрыла дверь в гардеробную и стала разглядывать себя в огромном, до самого пола зеркале.

Стильная угловатая фигура, как у модели, роскошные светлые кудри. Короткая юбка подчеркивала бесконечную длину ног. Она кокетливо поправила пару прядок, подмигнула отражению в зеркале. Наблюдавший за ней муж, поддавшись порыву, обнял со спины и поцеловал в шею. Она почувствовала жар его губ даже сквозь пушистую копну волос.

– Ты моя деревенская красавица! – Семен не удержался от похвалы.

– Фу, – потупилась Алина, – придумал тоже комплимент. Какая я тебе деревенская? Я уже десять лет в Питере живу. Даже одиннадцать!

– Я уверен, что в моем Карцево не было таких красавиц никогда. Да что там в Карцево, во всех Великих Луках!

Алина поморщилась и вырвалась из его объятий. Ее укоризненный взгляд призван был усовестить мужа.

– Семочка, я не хочу больше слышать про Великие Луки. Мы с тобой петербуржцы, понимаешь меня? – со значением сказала Алина.

Она пошла на кухню раскладывать по полкам холодильника еду из пакетов. Салаты, жареная картошка, говядина, запеченная с сыром, – все из отдела кулинарии. Готовить каждый день самой? Ну уж нет! Жизнь слишком коротка, чтобы проводить ее у плиты. К тому же, если знать места, можно купить такие деликатесы, от одного вида которых утрутся самые домовитые хозяйки. Ну, самые домовитые, может, и не утрутся, но ей самой такое точно не приготовить никогда.

Есть и пить чай или кофе в отсутствие гостей они предпочитали на кухне. Впрочем, даже и с гостями уйти дальше кухни удавалось не всегда. Очень уж уютным был высокий стол из темного бука и такие же деревянные барные стульчики.

Алина налила себе и мужу эспрессо из кофеварки, блистающей полированными боками. Аромат кофе приятно защекотал ноздри, улучшая настроение. Алина открыла холодильник и взяла с полки йогурт.

– Сема, иди, позови Вову, ему кушать пора.

Зубов обернулся к двери и зычно крикнул:

– Вовка! Есть иди!

Алина скептически взглянула на него. Вот же ленивый, как старый кошак!

– Сема, ты же знаешь, он так не придет, хоть год его зови. Иди, приведи его.

Но Семен сел обратно на стул и вдруг посмотрел на жену прямо и очень серьезно.

– Алиночка, а ты не думаешь, что у него что-то со слухом?

Ну вот опять! Как она устала от одних и тех же разговоров. Ну хотя бы раз можно перестать придирается к сыну? Она махнула рукой.

– Все у него нормально, обычный ребенок, просто упрямый очень и не говорит. Он же мальчик, они развиваются медленнее. Я сама за ним схожу.

В детской на полу Вова играл в любимые машинки. Все они были выставлены в одну прямую, идеально ровную длинную линию. Серьезный малыш лежал, практически вжавшись ухом в пол, напряженно вглядываясь в колесики последней легковушки. Шаги матери остались незамеченными.

– Вовик, идем покушаем. – Алина привычным жестом схватила сына за руку и потащила на кухню. Вова заорал, пытаясь другой рукой отогнуть пальцы матери.

«Каждый раз одно и то же, – подумала Алина. Но ведь это же обычный кризис третьего года жизни, она читала об этом в интернете. Ребенку просто не хотелось прерывать игру, все дети так делают. Тем не менее поиграть всегда можно, а кушать надо вовремя.

Вова, оставив попытки высвободиться, стал с силой лупить себя ладонью по лбу.

– Быстро прекрати!

Она перехватила его вторую руку. Мальчик с силой вырывался и натужно гудел, краснея и покрываясь потом. Семен угрюмо смотрел на сына. Заметив его взгляд, Алина отпустила Вовку, приказав себе не нервничать. Он просто злится, как умеет, вот и все. Вова, кстати, не убежал в детскую, а сел за стол. Вот и хорошо.

За столом Алина решила перевести разговор на что-нибудь жизнеутверждающее. Положив мужу салат, она энергично спросила:

– Сема, а в какую школу мы Вовку отдадим?

Алина ловко впихивала в сына йогурт, его единственную любимую еду, ложку за ложкой.

– Ты его сначала есть научи самостоятельно, – засмеялся Семен.

– Что ты гогочешь, он умеет, просто мне так быстрее, и стол после еды мыть не надо, – выдвинула Алина привычное оправдание и продолжила: – Ну, в какую? Может, в математическую?

Математическая школа казалась ей самым сильным подтверждением исключительной талантливости ребенка. Все-таки гуманитарное образование не слишком практично, а вот из мат-школы прямая дорога в университет. Да хотя бы и на тот же химический факультет, где учился ее муж.

Семен глотнул чая, поднял брови и посмотрел на сына.

– На дзюдо его отдадим, вон какой здоровяк. Еще трех лет нет, а уже килограммов на двадцать потянет. И в кого только такой толстый?

Алина оценивающе посмотрела сначала на сына. На взгляд матери, Вова был очень красивый мальчуган. Его нельзя было назвать толстым, хотя он и был не по возрасту крупным. Особенно большой казалась голова. Эмоции же на лице чаще всего были простые, как у годо-

валого ребенка. Он или широко улыбался, или орал со всей мочи. В результате общее впечатление складывалось, что Вовик – это просто огромный годовалый карапуз.

Конечно, муж был совсем другой. Алина перевела взгляд на Зубова. Семен был лишь немногим выше ее, но стройный, жилистый. И смуглый. Ей всегда казалось, что папаша Семена был не без кавказских кровей. Да и необычное сочетание в его характере страстности и скрытности наводило на эту мысль. Но попытаться у свекрови, так ли это, никому не удавалось.

– Он вовсе и не толстый, – бросилась она на защиту, – просто высокий, как я. И мама говорила, что в детстве я была пухленькой!

Йогурт кончился. Вова слез со стула, ловко достал из хлебницы полбатона и убежал с ним обратно в детскую. Родители остались сидеть за столом.

– А еще он музыку любит, – спохватилась Алина, – помнишь, когда ему год был, он мог час сидеть на одном месте и слушать Скрябина или Шопена.

Конечно, музыкальная карьера для мальчика – это непрактично. Но все-таки это тоже подтвердило бы гениальность сына, а уж в его гениальности Алина не сомневалась.

– Алиночка, ну чего мы сейчас будем о школе думать? Он у нас не говорит, сам не ест, не одевается, в подгузниках до сих пор. Ты бы, может, к врачу его отвела, на консультацию, – попросил Семен. Его пальцы бережно погладили руку жены.

– Да к какому врачу? – возмутилась она и вырвала руку. – Просто у него позднее развитие, и все. И ему еще только два года девять месяцев. Все дети развиваются по-разному. И вообще, сейчас дети стали позже говорить. Вон у Юльки младшенькой скоро два, а она тоже только «мама» и «отдай» знает.

Алина постаралась быстрее свернуть неприятный разговор.

– Кстати, я завтра к ней собираюсь. Не хочешь взять отгул и съездить с нами? – спросила она.

– Заинька, я бы с удовольствием к твоей сестре съездил, но завтра понедельник, у меня в «Норме» совещание, а Вове в сад надо, – закруглил разговор Семен и встал из-за стола. Алина растерялась. Только что ей казалось, что муж готов ради нее на все, но, когда дошло до дела, оказывалось, что последнее слово осталось за ним.

– Сад и прогулять можно. А совещание отменить, – закапризничала Алина. Семен приобнял жену чуть ниже талии и повел в гостиную.

– Ласточка, но ведь его Роман проводит, я не могу отменить, – Зубов начал уговаривать Алину.

– Давай тогда я позвоню Роману и попрошу! Мне он не откажет. – Она приосанилась и улыбнулась, стрельнув глазками. Ревность – это качество мужа всегда помогало ей в трудных ситуациях. Показать мужу, что его начальник к ней не безразличен, это беспроегрешный вариант. Семен схватил ее еще крепче.

– Не надо никому звонить. Алиночка, давай я в следующие выходные с вами съезжу.

Алина поморщилась: даже последнее средство не помогло.

– Вот еще, я не собираюсь так часто мотаться по всяким дачам. – Она плюхнулась на диван и скрестила руки на груди.

– Ну, не сердись, кисонька. – Семен привычно расплел ее руки и взял в свои ладони. Поцеловал кончики пальцев.

Послышался детский смех. Алина встала и выглянула в коридор. Вова шел на цыпочках, покачиваясь из стороны в сторону. Казалось, что он ловит руками в воздухе что-то невидимое, а оно никак ему не дается. Каждая попытка вызывала у него новый взрыв хохота. Мальчик смеялся все громче, никак не мог остановиться, даже прислонился к стенке, чтобы не упасть. Но это не помогло, и новый приступ хохота заставил его сползти по стене на пол.

– Первый раз вижу, что человек от смеха действительно не может устоять на ногах. Я думала, это преувеличение, – сказала Алина и улыбнулась. – Видишь, он обычный веселый малыш. Зря ты волнуешься.

Уже перед сном, лежа в кровати, Алина вдруг вспомнила. Ведь она уже видела такого человека. Это было несколько лет назад, когда она еще училась в универе и жила в убогой комнатухе общежития финэка, на Новоизмайловском. Именно в этой общаге Алина встретила первокурсника, который брел в свою комнату по мутному коридору, накурившись травы в мужском туалете. Его пробило на ржач, и, хотя он пытался держаться за облупленную стену, временами студентика складывало пополам, он валился на пол и неудержимо хохотал, водя перед собой руками – словно пытаясь поймать что-то невидимое. Алину, воспитанную довольно строго, это зрелище ужаснуло. Наркоманы казались ей ужасными заразными отбросами, недостойными внимания девушки. Так что она постаралась забыть тот случай как можно скорее. А теперь ее собственный сын ведет себя, как тот законченный наркоша. Почему?

Глава 2

Наутро, покидав пакеты с запасными детскими вещами и подгузниками в «мазду», Алина отправилась к сестре. Строго говоря, назвать Юлин дом дачей было нельзя. В отличие от Алины ни Юля, ни ее муж не стыдились своего деревенского происхождения, и жить в душном Петербурге они не захотели, а прикупили участок земли в Мариенбурге, неподалеку от Гатчины. И за несколько месяцев отстроили настоящий коттедж. Бревнышко к бревнышку – три этажа, и баню, и гараж, и сарайчики, и даже курятник. Успели отстроиться аккуратно перед кризисом. Юля уже была снова беременна, но даже и на сносях бегала, ловко распорядившись немногими помощниками. Никаких незнакомых рабочих они на участок не пускали, а попросили помощи соседей, с которыми быстро нашли общий язык. По гатчинским меркам дом был шикарный, но Алина, не признающая отныне ничего, кроме питерских евровоквир, Юлин дом снисходительно именovala дачей.

Дорога Вову интересовала. Он внимательно смотрел в окно, разглядывая колеса «КамАЗа», крутящиеся вровень с окнами «мазды», и грохочущий трамвай, и вывеску гипермаркета «О'Кей», и зазеленевшие тополя вдоль Киевского шоссе... Алина поглядывала на малыша, но ничего необычного не замечала. На подъезде к Гатчине сын задремал. Алина приоткрыла окно, и непривычно теплый апрельский ветер приятной нежностью окутал ее. Одевалась она легко, практически по-летнему и даже несколько фривольно. Ей удалось себя почувствовать наконец-то женщиной, справляющейся с материнством играючи.

Подъехав к дому, Алина загнала машину во двор и попыталась разбудить сына, но он просыпаться не захотел, а только заорал, не открывая глаза. Привязанная у будки Клепа заходилась надрывным лаем. Грело солнышко, пахло теплой землей и первыми почками, но хорошее настроение, навеянное приятной поездкой, уже слетело с Алины. Она дала Вове сок в корбочке, чтобы он быстрее проснулся, но он отказывался выходить из машины. Однако и мать не отпускал, вцепившись в нее крепкими ручонками. В конце концов она отцепила его пальчики от своей одежды и оставила орущего во всю глотку младенца в машине одного, а сама пошла в дом.

Юля уже спешила ей навстречу, вытирая руки о передник, неудобно стягивающий большую грудь. Алина с легким превосходством оглядела сестру. По молодости Алина завидовала ее пышным формам, но с рождением каждого ребенка Юлия все больше походила на деревенскую матрону.

– Бедный крошечка! Устал совсем от такой длинной дороги, – запричитала сестра.

Алина поморщилась.

– Это я устала, а не он. От его капризов бесконечных скоро голова лопнет.

– Ну что ты, он же малыш! Не оставишь же ты его в машине?

Громкие вопли ребенка разносились по участку попеременно с истеричным лаем собаки. Алине больше всего хотелось развернуться и уехать назад домой. Там по крайней мере Вовка бы замолчал. Уселся бы на пол в детской, разложил свои машинки. И замолчал. Он мог бы сидеть так час или два, а она занялась бы привычными делами, поболтала бы по телефону или посидела в интернете. Нет, зря она сюда приехала, зря!

– Оставляю. Пусть сначала успокоится. Пойдем кофе сварим.

Юля с сомнением посмотрела на орущего племянника.

– Может, у него что-то болит?

– Да ничего у него не болит, все дети иногда так орут.

Юля с сомнением посмотрела на Алину.

– Ну, иногда орут, это да... Но в машине оставлять нельзя, жарко.

Алина со вздохом пошла к машине и стала вытаскивать вопящего раскоряку. Кое-как отодрав малыша от машины, она закрыла дверь. Вова, поняв, что обратно не попасть, схватил руку матери и, подтащив ее к машине, положил ее кисть на ручку двери. Все это он проделал, продолжая надрывно визжать.

– Вот видишь, он показывает, что хочет в машину, – улыбнулась Юля.

Алина выдернула руку.

– Я и так знаю, что он хочет.

Юля задумчиво посмотрела на кричавшего Вову и сказала:

– Пойдем в дом, может, и вправду сам успокоится.

Из дома выбежал Олег, старший из Юлиных сыновей. Укороченные папины джинсы, натянутые почти до груди, были ему велики, вид у Олега был весьма комичный.

– Мам, я к Мишке побежал, мы на озеро пойдем.

– До обеда чтоб дома был!

– Ага, – бормотнул Олег и побежал к соседнему дому.

– Взрослый стал совсем! – удивленно заметила Алина. – Какой класс?

– Уже четвертый заканчивает.

– Да он уже с тебя ростом!

Юля довольно улыбнулась.

– А где остальные?

– Коля поехал в Гатчину в магазин наш, там продавца уволить надо, а Игореша и Ляля завтракают. Да идем в дом!

Алина пошла за ней, оставив сына сидящим на траве. Навстречу выбежала племяншка, которую родители называли Юлей в честь мамы, а дома называли Лялечкой.

– Она у тебя так и не говорит? – осторожно уточнила Алина у сестры.

– Да, что-то у нас задерживается, братья уже стихи рассказывали в два года. Зато все дела у нас только на горшок, даже на ночь памперсы больше не надеваю.

Ляля обрадовалась Алине, схватила ее за руку и потащила в детскую. Там она стала выразительно тыкать пальцем на смятое одеяло на кровати и выжидающе смотрела на тетку.

– Что там у тебя такое? Ну-ка, посмотрим давай. – Алина подошла и приподняла розовенькое одеяльце. Там лежал мишка, завернутый в пеленку. Ляля довольно расхохоталась, схватила мишку и побежала на кухню, потянув за собой Алину. На кухне их поджидала Юля. Светлая кухня была залита нежным апрельским солнцем. Завтрак сестренка предпочитала делать такой же, как делала мать: жареный бочок гренок, пропитанных смесью молока, яйца и сахара, просился в рот, несмотря на откровенную калорийность. Чайник со свежесваренным чаем соседствовал с банкой, в которой плавали лохмотья чайного гриба.

– Фу, как ты можешь пить эту гадость, – поморщилась Алина, с отвращением глядя на гриб.

– Нормально. От жажды самое то, – ответила Юля, не отворачиваясь от плиты.

Потом они сели за стол и начали трапезу. Юля время от времени помешивала суп в сверкающей кастрюле, Ляля старалась впихнуть кусочек гренки в мишку. Игорю было поручено чавкать, озвучивая мишкину трапезу. Алина не могла есть, она прислушивалась к затихающим во дворе воплям.

Как вот Юля справляется с тремя? С рождением ребенка жизнь Алины стала похожа на непрекращающийся кошмар, на каторгу, на которую за какие-то грехи ее пожизненно сослали.

Во дворе воцарилась тишина. Вова так и не появился в дверях, поэтому Алина, не выдержав, встала из-за стола и вышла во двор. Сын уже не лежал на траве, а пополз до небольшой горки свежей земли и сидел на ее вершинке. Он набирал в горсть землю, тщательно разглядыв-

вал ее и медленно, струйкой выпускал ее из кулачка. Рот его был перемазан землей. Алина схватила Вову, с силой стала выковыривать землю изо рта, потом, сообразив, потащила его в дом. В ванной уже заметила, что Вова наложил полный подгузник вонючего поноса. Алина с остервенением стала сдирать с сына грязную одежду, мыть руки, рот, попку... Она боялась поноса, боялась дизентерии, боялась инфекции...

И еще она очень боялась того, что никогда не произносила даже мысленно.

Это никогда не кончится. У других дети вырастут, пойдут в школу, институт, женятся, родят своих детей. А ее Вова будет сидеть на куче навоза и тащить горсть за горстью в рот. Когда она ехала сюда, она хотела посмотреть на Ляльку. Хотя та и на год младше, но ведь тоже не говорит. Только теперь Алина сильнее видела разницу. Да, Ляля не говорила, но она общалась, она играла, она вовлекала в игру всех, и уж совершенно невозможно было представить ее сидящей на грязной куче с набитым всякой дрянью ртом.

Конечно, надо что-то делать. Юля молчит, но теперь Алина видела, как сестра смотрит на ее ребенка. Конечно, добрым и ласковым взглядом – Юля по-другому не умеет, но смотрит, как на забавного щенка, который весело скачет и грызет хозяйский тапок.

– Ты думаешь, с ним что-то не в порядке? – слова вырвались у Алины сами собой, она даже их испугалась, но, тем не менее, продолжила: – У тебя же трое, ты можешь сравнивать.

– Ну, дети все разные... – начала Юля, вешая на крючок банное полотенце.

– Не надо мне этого, про разных. Ему летом будет три. Он похож на трехлетнего, скажи мне?

– Алина, но ведь ты водила его к врачам, а я не врач...

– Юля, скажи мне, что ты думаешь, ты же мать!

– Ну... скажем так, если бы это был мой ребенок, я бы искала врача, который объяснил бы мне, что происходит... пока не нашла того, чья версия бы меня устроила, – уклончиво ответила Юля.

– Вот! Теперь спасибо!

Алина уверенно домыла, вытерла и передела молчавшего Вову. Она отвела его в детскую и там высыпала перед сыном целую коробку цветных кубиков и колечек от пирамидок. Вовик сразу же начал перебирать и расставлять их в каком-то ему одному известном порядке.

Алина вернулась на кухню.

– Ну, пойдем теперь кофе пить, – позвала она Юлю.

Алине показалось, что план действий намечен, и это восстановило иллюзию, за которую она так сильно цеплялась. Все будет хорошо!

* * *

Алина не стала откладывать выполнение своего плана в долгий ящик. Она узнала телефон логопеда у остеопата, к которому они ходили в прошлом году и которого им рекомендовали как чрезвычайно эффективного. Хотя врач не особо им помог. Зато теперь она умела огрызаться в комнате ожидания на «успокойте вашего ребенка». Однако было решено, что кое-какой результат есть.

Записалась она на пятницу и, слегка успокоившись, начала прикидывать срок выхода на работу. Но уже в ночь на вторник случилась новая неприятность. Вова вдруг надрывно закричал посреди ночи. То ли после поездки на дачу, то ли от съеденной земли. Бесконечные поносы не позволяли понять, все ли с ним в порядке, проблемы ли с кишечником, или возникло что-то новое, более страшное. Хотя Вовка и был любителем поорать погромче, но так сильно и пугающе он раньше не кричал, а вообще-то спал подолгу и крепко как ночью, так и днем. Впрочем, пару раз, заходя в детскую ночью, Алина замечала, что Вова не спит,

а просто лежит, глядя в мерцающие маленькими цветочками потолочные лампочки. Может, он потому спал так долго по утрам, что на самом деле не мог уснуть?

Она услышала его истошный крик и пошла успокаивать, думая, что он упал и ушибся. Но сын кричал, лежа с закрытыми глазами. Без слез, без движения, будто от страха. Алина подумала, что у него что-то болит, но он не кривился, не держался за больное место, не тряс головой. Его крик жил будто отдельно от тела. Крик сам по себе, Вова сам по себе.

Алина попыталась его взять на руки, но он не хотел на руки. Не открывая глаз, он продолжал надрываться, отталкивая руки матери. Алина начала трясти его, чтобы разбудить, но это не помогало. Она сама стала кричать ему в ухо «проснись, проснись!». Она все же схватила его и потащила, вырывающегося, в ванную, умыла лицо. Попробовала пару легких пощечин. Вова не просыпался, не открывал глаза, он просто кричал в пустоту, останавливаясь, только чтобы набрать в легкие воздуха, и снова закатывался дикими рыданиями. Алину начала захлестывать паника. С ребенком на руках она вошла в спальню, злясь, что Вовин крик не мешает мужу спать. Семен поднялся и лишь встал недовольно рядом, даже не пытаясь помочь. Алина пыталась укачивать сына, пыталась прижимать к себе, положила на постель и легла рядом... Все без толку. Вова размахивал руками, отталкивал ее ногами и кричал, не открывая глаз. В конце концов нервы сдали. Алина стала трясти сына и орать ему в ухо: «Заткнись! Надо спать, спать, понимаешь!» Он зарыдал еще громче и вдруг затих, расслабился и поник всем телом. Семен снова лег в кровать и мгновенно уснул. Алина отнесла Вову в его постельку и долго еще стояла рядом, глядя, как он засыпает, временами пугающе взрыдывая, и, замолкая, начинает глубоко дышать.

Алина пошла в спальню, хотела было возмутиться, что Сема совсем ей не помог этой бешеной ночью, но почувствовала, что сил для скандала совсем не осталось. Она взяла мужнины сигареты и вышла на лоджию. Ночной город с высоты седьмого этажа поразил ее. Свежий воздух, далекие отблески фонарей. Ночь казалась отстраненной и бесконечной. Она закурила и, закашлявшись, кинула сигарету вниз, наблюдая за полетом тлеющего красного светлячка. Раньше она так любила ночь! Сидеть не могла на месте, ей нужно было куда-то ехать. И плевать, что завтра на работу! Если Сема не мог, она брала с собой Анастасию. Еще с институтских времен подружка не могла ей отказать в совместных танцульках. Жаркие ночи студенческой молодости они протанцевали в ночных клубах, очередная авантюра забрасывала их то в «Тоннель» с капающими трубами, то на роскошный танцпол «Луны». Ночь – это время без правил, полная свобода и сюрпризы. Как случилось, что теперь она думает только о том, чтобы лечь спать пораньше? Разве теперь у нее впереди только радикулит и раздутые вены? Нет, она не должна так жить, она должна вернуть эту ночь, этот счастливый воздушный полет над миром. Она позвонит Стасе, и завтра же они пойдут танцевать.

Но назавтра Стася не могла пойти, а ночью, ровно в полночь, Вова снова заорал благим матом, и не было никакой возможности его успокоить или хотя бы разбудить. Алина просидела с ним два часа на крышке унитаза, укачивая под шум льющейся из крана воды, пока Вова не забылся сном, вздрагивая и всхлипывая. Семен не проснулся.

Затея с танцами была отложена на неопределенное время и погребена под толстым ворохом каторжных материнских и семейных проблем, как и все прежние ее девические увлечения, которые Алина пыталась вернуть в свою теперешнюю жизнь.

* * *

Та пятница потом вспоминалась Алине как сплошной кошмар. Прежде всего Семен, на которого рассчитывала Алина, ранним утром уехал на какую-то лицензионную комиссию. Она собирала Вову в садик, и он, в который раз, отвоевал свое право надеть меховые зим-

ние ботинки, хотя за окном светило яркое апрельское солнце. Сад у них был самый простой, по месту жительства. Станный выбор для Алины, желающей всегда всего самого лучшего. Но, во-первых, сад был в соседнем дворе, близко водить, к тому же в саду был даже бассейн, а во-вторых, хорошая репутация этого дошкольного учреждения перевешивала сомнения.

Вова никогда не скандалил по дороге в сад. Молча шел, просунув ладошку в Алинину руку, не глядя по сторонам. Только приближаясь к садику, вырывал руку и, переваливаясь, бежал к калитке.

Сегодня все было как обычно. Алина прибавила шагу, спеша за убежавшим в коридор сыном. В нос ударил запах подгорелого молока. Вова стоял возле шкафчика с одеждой и выжидательно смотрел на него. На вошедшую мать он даже не обернулся. Алина привычным порядком раздела его, торопливо запихнула зимние ботинки в шкафчик и повела Вову в группу. Воспитательницы обычно ничего не рассказывали ей. Алина спрашивала их: «Как, все в порядке?» Они неизменно отделялись стандартными жалобами: плохо ест, не хочет лепить. Алина удовлетворялась этими ответами, так как ел он и дома плохо, а лепить – вот глупость какая! Зачем это вообще нужно? Это же ясли, что уж такого может вылепить маленький ребенок?

Однако сегодня новая воспитательница, веселая толстая тетка, с разваливающимися химическими кудрями, дала ей полный отчет:

– С детьми не играет! Вообще не играет. Только сидит тихо в углу с машинкой. Я никак пойму, почему раньше никто не обратил на это ваше внимание! Зову – не отзывается. Команды мои не выполняет. Вчера всю прогулку сыпал песок из руки струйкой. Все время! Все полтора часа! Вы слышите? Я сообщила главной медсестре. Вы должны проверить слух и сходить к невропатологу. Принесите справку, что ребенок здоров и может посещать детский сад.

Алина растерялась от словесной атаки добродушной воспитательницы. Она повела в воздухе рукой, как будто пытаясь отмахнуться от мухи, и, запинаясь, ответила:

– Да, я, конечно... вот как раз сегодня к врачу идем. По поводу речи.

– Ах, сегодня? Отлично. А во сколько?

– В два часа.

– Так, тогда забирайте его в двенадцать. Потому что посреди сна дневного будить нельзя. Да и у него еще голосище! Вчера пытались его на горшок посадить – две соседние группы сбежались. Ни к чему мне, чтоб он все ясли перебудил, труба иерихонская!

Алина кивнула и поспешила ретироваться. Вообще-то она была бойкая, за словом в карман не лезла и поначалу все советы по поводу Вовы смело отправляла в лес вместе с советчиками. Однако последнее время какая-то такая тоска, даже не тоска, а какое-то предчувствие брало ее за горло, да так, что она терялась, тушевалась и мямлила в ответ что-то невнятное.

Алина побрела домой, мысленно перебирая предъявленные воспитательницей жалобы.

Не играет с детьми. Ну так ведь это их воспитательская обязанность – увлечь детей, чтоб играли. Конечно, группа большая, он мальчик тихий, вот и забросили его.

Песочек сыплет. Ну так концентрация хорошая. Разве лучше было бы, чтоб он носился туда-сюда и орал как бешеный? Хотя, конечно, орет Вова знатно. Характер у него такой.

На имя не отзывается. Это да. Это она замечала и дома, но списывала это на его погруженность в занятия или на хитрость. А может, и правда что-то со слухом? Ладно, вот сегодня логопед все и расскажет!

Подходя к подъезду, она увидела консьержку, радостно машущую рукой. Рядом стояла молоденькая девушка в милицейской форме.

– Да вот же она, Зубова! – энергично показала консьержка на Алину. – А мы вам звоним, звоним.

– Инспектор по делам несовершеннолетних, Марина Чибур. Вы Зубова Алина Ивановна?

Алина автоматически кивнула и невольно удивилась: такая молодая, а уже инспектор. Совсем девочка, только косичек не хватает, не иначе как сразу после школы остригла.

Инспектор продолжила:

– Давайте к вам в квартиру поднимемся, будет удобнее.

Алина почувствовала внутри слабое оцепенение, переходящее в панику. Что еще могло случиться, ведь она только из сада, с Вовой все в порядке... какие такие еще несовершеннолетние? Консьержка проводила их жадным взглядом до лифта и, заинтригованная, вернулась в служебную каморку наблюдать по телевизору очередные сериальные страсти.

Алина не могла попасть ключом в замок, но даже когда попала, ей никак не удавалось ровно провести им по всем бороздкам.

– Да вы не волнуйтесь, сейчас со всем разберемся.

Услышав эту реплику, знакомую по разговорам с гаишниками, Алина приободрилась и даже осмелилась спросить:

– А в чем, собственно, дело?

На этой фразе ключ пронзил замок, и Алина влетела в прихожую, как в спасительную гавань.

Марина с любопытством рассматривала квартиру. По роду службы чаще всего она входила в квартиры со свисающими обоями, желтыми потолками, видела засаленную мебель и детей, спящих на грязных матрасах, брошенных прямо на пол. Не часто она попадала в хоромы с напольными вазами в прихожей.

– А ничего, дети не разобьют? – спросила она, с любопытством потрогав огромный кувшин.

– Это чеканка по латуни, – ответила Алина и, глянув на Маринино лицо, уточнила: – Не разобьют, они железные.

Алина повела инспектора в гостиную, по пути мысленно проклиная вазы. Из-за них теперь инспектор решит, что они купаются в деньгах. На самом деле квартиру Семен брал в ипотеку, ремонтом занималась знакомая, начинающий дизайнер, которая, узнав, что в квартире только голые стены, упростила Семена отдать квартиру ей на растерзание ради будущего портфолио. И вазы эти она притащила откуда-то со старого чердака, заявив, что они будут «последним изысканным штрихом». До сегодняшнего дня у Алины не было повода об этом жалеть. В общем-то справедливости ради надо сказать, что работа ей удалась. Квартира теперь казалась одновременно и стильной, и роскошной.

Марина не стала погружаться в обитые тканью кресла, а примостилась у секретера и открыла тоненький портфельчик.

– Дело вот в чем... – начала инспектор и вытащила из черной папки тоненький листочек бумаги.

Глава 3

Семен сидел в лаборатории, разглядывая пару белых кроликов. Зверушки выглядели совершенно здоровыми, но, не полагаясь на их внешний вид, он каждый час измерял им температуру: все-таки разработка нового препарата должна идти по всем правилам, даже если это всего лишь очередная вариация валидола. Однако все действия Семен выполнял скорее машинально. Он не видел ни кроликов, ни бланка испытаний: опершись локтями о стол и подперев голову, Семен уставился в беленую стену. Не беспокоило его и то, что надо было идти к Роману.

Роман Галль вызывал Семена еще вчера, но настроения вести разговоры о текущих делах не было, да и речь вряд ли шла о чем-то важном. Сегодня ему тоже было не до Романа – Семен собирался взять день отпуска и поехать с Алиной к врачу. Он, конечно, волновался за сына, но куда больше его тревожила жена. С первого дня, с того самого дня, как он встретил Алину, он решил, что будет до конца дней своих оберегать ее от всего, что может ей навредить. Семен даже сам не ожидал от себя такого чувства. С годами оно не угасло, а только расцвело новыми красками, стало сильнее и острее.

В тот день, когда Семен впервые увидел Алину, все складывалось в гармоничный танец. Погода, солнце, настроение. Студент химфака, он досрочно сдал сессию, но последнюю подпись нужно было получить от преподавателя по философии, который не ездил в Петродворец, где расположен был химический факультет, а предпочитал бывать в Двенадцати коллегиях. И студентов отправлял туда же. Из Коллегий Семен вышел довольный, помахивая зачеткой, и вдруг увидел ее. Она сидела на скамейке: облако белых кудрей, парящее под порывом ветра, остренькие сосочки, торчащие сквозь легкую маечку, бесконечная линия ног... Он подошел ближе, зачарованный, как кролик к удаву, – и она проглотила его.

Семену до сих пор было трудно отвести взгляд, стоило ему увидеть ее. Уже тогда ему показалось, что в мире нет ничего достойнее для любования.

В тот весенний день она была не одна, а с какой-то подругой, кажется с Анастасией. Да, точно, с ней. Стася курила, и он ничего лучше не придумал, как сообщить им, что курить вредно, причем пассивные курильщики страдают не меньше. Девушки, наверняка слышавшие эту расхожую ремарку сотню раз, снисходительно улыбнулись. Алина сообщила, что она не может курить пассивно, потому что она ничего не делает пассивно. Семен оценил ее находчивость.

Выяснив у девушек основные сведения: финансово-экономический университет, не замужем, не местные, Семен ловко повернул разговор на жизнь в студенческом городке в Петродворце, который сокращенно назывался ПУНК. Девушки заинтересовались и фонтами, и новыми общежитиями, а больше всего тем, что на десять парней в ПУНКе приходится только одна девушка, да и ту с трудом можно отличить от парня. С того дня подруги стали завсегдатаями в ПУНКе, Стася скоро вышла замуж за Костю, однокурсника Семена. А сам он все свои помыслы и дела развернул навстречу Алине. Он понимал, что не произвел на нее должного впечатления. В том не было ее вины. Бриллианту нужна оправка. Главное – не торопиться. Семен видел, какими взглядами провожали ее мужчины. «Смотрите, смотрите, – думал он, – роняйте слюни, она будет только моей».

Сразу после окончания химфака он забросил науку, хотя его дипломную работу горячо рекомендовали к печати. Из-за этого пришлось выдержать немалый скандал с матерью – она уже начала обо всем догадываться.

– Всю жизнь разрушишь из-за юбки! – истерично кричала она, но ничто уже не могло сдвинуть его с избранного пути. В чем смысл жизни, если не любоваться ее светлыми кудрями и стройными ногами? Не вдыхать едва заметный кардамоново-мускусный запах ее кожи? Зачем тогда просыпаться по утрам?

Получив диплом, он ушел работать в «Норму». Сначала медицинским представителем, а потом, когда главным на фирме стал Роман, воспользовался полученным образованием, чтобы перейти в исследовательский отдел. «Норма» была отделившимся от фармацевтического завода исследовательским бюро, патентующим формулы новых лекарств. Новые мало чем отличались от старых, но зато патенты удавалось продать другим фармзаводам, а с этого капали вполне реальные деньги.

Семену, вдохновленному любовью на подвиги, пришла в голову гениальная идея. Побегав медпредом, он действительно стал понимать нужды и особенности фармацевтического рынка. После перевода в исследовательский отдел Семен разработал и запатентовал семидесятипроцентную настойку женьшеня – серьезного конкурента пресловутого боярышника. Он даже тестировал новое зелье исключительно на вкусовые качества. На этикетке самым крупным шрифтом, который позволяло законодательство, напечатали: 70 % спирта. Результат превзошел все ожидания. Конечно, долей в патенте пришлось делиться, но, когда была запущена новая позиция, да еще и сразу на нескольких заводах, деньги потекли широкой полноводной рекой. Вот тогда и настало время для плановой осады Алины.

На все про все ушло несколько лет. Но Семен не боялся опоздать, наоборот, долгосрочные планы были его сильной стороной. Он знал, что держит ситуацию под контролем, делал все для решительного штурма и не оставил Алине ни малейшей лазейки к отступлению. Квартира – прежде всего. Алина иногородняя, значит, будет особенно ценить мужчину обеспеченного, с хорошим жильем. Он не считал подобные намерения предосудительными, напротив, такая рассудительность казалась ему достоинством настоящей женщины, которая имеет право выбирать среди многих столь же достойных мужчин. И выберет она его.

Квартиру Семен взял строящуюся, в кредит, еще кучу денег угрохал на ремонт. Деньги кончались, и он упрасивал Ленку-дизайнера, чтобы она взялась за обустройство квартиры, убеждал, что ее работа будет отличным шансом для индивидуального портфолио, так как он предоставит ей полную свободу действовать. Ленка ломалась, все-таки ее профессия востребована людьми, способными адекватно платить за дизайн интерьера. Но потом сжалась, согласилась и даже взяла на себя организацию закупки и доставки стройматериалов. Позже, проглядывая счета, Семен понял, почему она согласилась, но идти на попятную было уже поздно, да и результат, несомненно, мог впечатлить не только молоденькую провинциалку, но и привередливую петербурженку.

Дальше все было просто. Алина и Анастасия окончили свой экономический факультет и с удовольствием воспользовались намеком, что в «Норме», кровь из носу, нужны две бухгалтерши. Долго убеждать Романа в этом не пришлось, хотя до этого их старенький главбух один вполне справлялся с работой. Однако главбух давно просился на пенсию, и ему пообещали отвальную с почетом, как только он поднатаскает очаровательных молодых сотрудниц. Семен и Алина стали коллегами. Тут уж он развернул широкомасштабные ухаживания. Надо сказать, что он не любил ни клубы, ни дискотеки, сам не танцевал, стоять в прокуренном помещении и смотреть на веселящихся людей не любил. Так что танцы, которые обожала Алина, оставались ее и Анастасии мероприятием. Но он и не возражал: девчонки – подружки, у них и должны быть девчачьи развлечения. Но все остальное Семен взял на себя. Часто после работы он организовывал для нее настоящий петербургский досуг. Иногда интересный интерьерный ресторан, иногда Мариинка, особенно балеты, их Алина обожала больше всего. Семен не оставлял Алину в одиночестве и по субботам. Зимний дворец, Петропавловка, весной и летом – Гатчина и Пушкин. Обязательно. Или, на крайний случай, Кронштадт, который только-только открыли.

Между ними ничего не было, первые полгода они даже не целовались, так что у нее не было шансов ему отказать. Он стал ей другом, надежной жилеткой, крепкой опорой. Он знал о ее жизни все. Теперь было пора переходить ко второй части.

Решающий шаг он сделал в сентябре, почти через год работы в «Норме». Он пригласил ее к себе. Жил он по-прежнему у мамы, но в тот вечер все было готово к ужину на новой квартире: шампанское, креветки в кунжуте, сырное ассорти, фрукты, мороженое. После волшебного ужина он предложил Алине посмотреть квартиру, повел ее в спальню и там, упав на колени, сделал предложение, эффектно открыв лежащую на кровати бархатную коробку с колье из белого золота.

Она не устояла. Сначала ахала и охала, потом воскликнула: «Семчик, милый, конечно я согласна». Надела колье, бросилась к зеркалу. Он уже не мог больше сдерживаться. Почти на законных правах он схватил Алину жадными руками так крепко, что она ойкнула, и повалил на кровать. Потом он узнал, что от крепких мужских пальцев у нее на коже остаются противные синячки, и научился быть аккуратнее. А тогда он ни о чем не думал, он хватал ее всю и целовал, всю целовал, спину, ладошки и ступни. Вроде даже срывал одежду, хотя этого он не помнил, но зато помнил, как увидел Алину обнаженной и замер. Ему хотелось, чтобы этот миг продолжался вечно. Каждая линия ее тела была безупречной. Грудь, смело торчащие остренькими сосками, абсолютно плоский живот, плавные бедра, и там, куда наконец опустился его восторженный взгляд, все было гладко и открыто. До сих пор почему-то все женщины, которых он так или иначе видел голыми, имели какую-то растительность, скрывающую лобок и все остальное самое интересное. Но Алина была как мраморная статуя, безукоризненно гладкая и молочно-белая. У него не было опыта с женщинами, он даже не мог представить себя с кем-то кроме нее. И он набросился на завоеванную Алину, забыв про заранее приготовленные презервативы, и вообще про все на свете...

По заметным признакам через несколько минут он понял, что она тоже была девственницей. И этот факт поднял его на немыслимую вершину блаженства, и гордости, и признательности ей. Он, и только он обладал ею! Так часто он видел взгляды, которые бросали на Алину другие мужчины, жадно ощупывающие, тайные или, наоборот, неприкрытые. А она его, только его, теперь уже навсегда. Только он может каждый день целовать этот сосок, ощупывать губами натянутую кожу живота, гладить безупречные ноги.

Алина переехала к нему до свадьбы. Семен взял на себя все свадебные хлопоты. В ноябре они поженились и уехали в Испанию – классический медовый месяц. Вот оттуда Алина и привезла в животике Вовку.

Мысли Семена снова вернулись к сыну. Не стоит откладывать визит к врачу, нужно узнать, все ли в порядке с малышом. Хотелось надеяться, что все обойдется. Но надо пойти уже и к Роману, предупредить, что сегодня после обеда дела.

Зубов записал последнюю кроличью температуру и с задумчивой улыбкой пошел к кабинету Галля. Яночка, сидевшая за секретарским столом, являлась скорее первым и главным помощником Романа, чем секретаршей, посмотрела на него серьезно и молча мотнула головой в сторону двери. Семен заподозрил неладное: обычно Яна была куда разговорчивей, но спрашивать ничего не стал, сразу прошел в кабинет.

– А, Зубов, наконец-то! – Роман поднял голову от огромной кипы бумаг. Кипы эти были повсюду, сколько Семен помнил. Хотя надо думать, что старые документы время от времени разбирались и отправлялись в архив или попросту выбрасывались, но на их месте нарастали новые. Иначе уже скоро было бы нельзя даже зайти в кабинет, не ступив на очередную бумажную кучу.

– Патент на женшень станет с первого мая открытым. Больше мы с него ни копейки не получим, – с места в карьер объявил Роман.

Семен остолбенел. Он уже привык к безбедной жизни и не мог вспомнить, как оно было тогда, до женшенья. Да и кредит на квартиру еще не выплачен.

– Как? – выдавил наконец он.

– Так, – бросил Роман, – что-нибудь другое давай думай. Идеи, нужны идеи!

– Но... почему? – Семен никак не мог поверить в происходящее.

– По решению суда. Ладно, вопрос закрыт. Иди работай!

Семен побрел в лабораторию, стал дергать дверь, которая почему-то оказалась закрыта, стал рыться в карманах в поисках ключа, опять дергать дверь, пока проходившая мимо уборщица баба Таня не сняла ключ с гвоздика рядом с косяком и не отперла ему дверь. Он сел за стол и уставился на кроликов. Случившееся никак не укладывалось в голове. Надо было что-то делать, но он не мог. Ему казалось, что голова его протекла сквозь руки на стол и поэтому этой головой так трудно думать. Он смотрел в стол в надежде разглядеть там, в уплывшей голове, какие-нибудь умные мысли. Как-то надо было выкручиваться, что-то делать. Второго женшенья уже не создать, понятно, сейчас уже лавочка прикрыта. Но суд? Что с ним? Может, нужно что-то опротестовать? Почему он не был на суде? Да он даже не знал о нем! Так, нужно срочно выяснить все детали. Семен вскочил из-за стола и вылетел из лаборатории. Надо срочно все узнать, все до мельчайших деталей.

Предполагаемый визит с женой к врачу ему даже не вспомнился.

Роман знал, что Семен сейчас мечется по фирме, дергая вопросами и прожженного юриста, и надменную начальницу отдела маркетинга, и Анастасию, оказавшуюся прекрасным главбухом, заменившую подслеповатого старичка, и даже лаборантку Лену. Семен дергал бы и самого Романа, но директор предусмотрительно строго-настрого запретил Яне пускать его в кабинет. Он и так тянул до последнего с этой информацией, опасаясь, что Семен ринется очертя голову отстаивать свои права и сведет всех с ума. Пусть уж привыкает теперь задним числом. Конечно, Роман с удовольствием работал бы по женшенью и дальше, но вопрос стоял всерьез: если бы патент признали незаконным, бюро пришлось бы закрыть по процедуре банкротства из-за гигантских долгов фармацевтическим заводам. Ловкий адвокат, нанятый «Медифармом», поправлял галстук и вещал убедительно: «Патентовать спиртовые настойки – это все равно что патентовать строительные каски или коробки спичек!» Чудом удалось прийти к соглашению о добровольном открытии патента. «Норма» была спасена, а вот личные доходы отдельных сотрудников теперь сильно упадут. И главным образом пошатнется финансовое благополучие Семена.

Этот вечный везунчик всегда отхватывал лучшие куски. Даже в жены ему досталась первая красавица факультета. Теперь Семену придется понять, что жизнь состоит не из одних пряников. Он по-человечески сочувствовал коллеге, однако скандалы и истерики не любил, а потому совершенно не желал видеть кричащего Семена в своем тихом кабинете. «Как хочешь, хоть грудью ложись!» – заявил он Яне, на что помощница многозначительно улыбнулась.

«И эта туда же, – с досадой подумал он. Галль не имел ничего против романов на работе. Высокий и элегантный, он легко получал приятные радости даже в офисе. Но Роман совершенно не любил все, что к ним прилагалось. Вдохновленная случайным сексом сотрудница начинала считать, что у нее есть право на перепады в настроении, на ехидные реплики в адрес других женщин, на специальное выражение лица при задержке на работе позже восьми вечера. А для Романа было важнее не потерять ее как сотрудницу, все-таки дело в первую очередь, так что и с выходками приходилось мириться.

Иногда он задумывался о семье, но так и не мог найти доводов «за». Полная свобода, размеренный быт, все вещи на своих местах. Даже если эти места оказывались не самые подходящие, он к ним уже привык и не хотел ничего менять. Иногда он мог, зайдя домой, не сняв ботинок и шапки, есть, достав еду из холодильника. Или ходить по квартире кругами до пяти утра, обдумывая рабочую проблему. А появится жена – к ней нужно будет привыкать, выполнять ее просьбы, идти на компромиссы, без которых семьи не бывает. Зачем вообще жениться? И главное, ради чего? Чтобы не платить приходящей раз в неделю домработнице? Роман мысленно перебрал возможные аргументы, раскладывая их по полочкам, так же как поступал всегда при решении сложных задач. Хм, дети... Да, вот об этом, пожалуй, надо подумать отдельно! Но не сейчас, через годик-другой. А пока есть дела поважнее.

Роман оглядел заваленный стол. Надо бы разобрать и половину выкинуть. Хотя никогда не знаешь, какая бумажка вдруг понадобится. Он вздохнул, взял кипу чудом не рассыпавшихся документов и решительно переложил ее прямо на пол.

Глава 4

– Вот, ознакомьтесь. – Инспектор протянула Алине листочек, исписанный мелким почерком. Алина начала читать и остолбенела. Соседи снизу, сверху и через стенку, во главе с замухрышкой Козловой, написали на нее заявление в милицию! Козлова была бездетной женщиной лет сорока, со следами тяжелой жизни на лице и явными признаками злоупотребления алкоголем. По крайней мере, так показалось Алине, когда соседка впервые остановила ее у подъезда, выяснив номер квартиры Зубовых у консьержки. Тогда ее обвинения показались Алине смехотворными: мымра эта не может спать из-за того, что Алинин ребенок слишком громко кричит по ночам.

– Здесь у нас приличный дом, – шипела Козлова, – не какой-нибудь бомжатник! Я не позволю такого! Я напишу на вас заявление – все соседи напишут. Найдется и на вас управа.

Алина слушала ее вполуха, мало ли что эта психованная с похмелья наговорит, но теперь она поняла, что соседкины угрозы не были пустым звуком. Алина пробежала взглядом по списку жалобщиков. Не то чтобы она поддерживала особо отношения с соседями, но все-таки в лицо все друг друга знали, в лифте здоровались. И вдруг прямо удар в спину! Стало еще обидней. Алина постаралась успокоиться, сложила бумажку пополам. Сейчас она скажет этой милиционерше все, что думает. Алина открыла было рот, но инспектор Чибур, заметив выражение ее лица, не предвещавшее ничего хорошего, быстро продолжила:

– Заявление было передано вашему участковому, он дал мне полномочия для проверки по подозрению в жестоком обращении с детьми. Но я вижу, что вы женщина порядочная, дома у вас чисто. Мы вот что сделаем: вы напишете заявление, что у вас ребенок болен, ночью у него кошмары, вы обязуетесь его лечить, мы эту объяснительную предъявим заявителям в подтверждение принятых мер. Так положено.

– Он не болен! – жестко ответила Алина, забыв, что еще вчера ночью ей казалось, что Вове пора вызывать скорую, если он не замолчит.

– Хорошо, напишите «сверхвозбудим», – быстро сориентировалась инспекторша.

Алина хотелось поскорее покончить с этим делом, она не стала больше возражать и села писать. Всей своей сутью Алина понимала, что страдать должна змеюка Козлова, маленький ребенок ей, видите ли, спать мешает! Это соседка должна писать объяснительные за свой гнусный донос, а не она, Алина, которая бы счастлива была, если бы Вова был здоров и она могла спать каждую ночь, как прежде. И тут Алину словно током дернуло. «Если бы был здоров? А что, он болен?» Но думать об этом сейчас было некогда. Накарябав писульку, Алина отдала ее инспектору Чибур и выпроводила ее из квартиры.

Теперь она «под колпаком»! Страх, какой-то липкий и тяжелый, охватил ее. Если уж милиция заинтересовалась твоей персоной, просто так тебя в покое не оставят, думала Алина, в кино, по крайней мере, всегда так.

Пометавшись по квартире, Алина решила позвонить Семену, все равно уже пора было забирать Вову и собираться к логопеду. Тут выяснилось, что неприятности действительно приходят все сразу, только успевай отворять ворота. Семен наотрез отказался ехать к врачу. На секунду Алине показалось, что он вообще забыл про их договоренность, но вроде дело было в каком-то форс-мажоре. Муж говорил «солнышко» и «зайчика» чаще, чем обычно, и через пару-другую минут свернул разговор. Алина расстроилась еще сильнее. Она как раз собиралась сбросить с себя неприятный осадок от жалобы соседей, рассказать обо всем Семену, но про милицию ей даже слова не удалось вернуть. Кроме того, ей показалось, Семен не слышал даже и того, что она успела сказать. Заехать за Вовой в сад девушка решила сразу на машине. И тут же вспомнила, почему так упорно вчера просила мужа отвези их: ее «мазда» утром категорически отказалась заводиться и была отбуксирована в автосервис. Алина броси-

лась звонить туда, но ее ждало еще одно разочарование: машина не готова. Алина была на грани отчаяния: ей хотелось сесть в коридоре на крохотную плетеную лавочку и рыдать, пока какой-нибудь спаситель не вытащит ее из этого кошмара.

Слезы текли по щекам, не принося облегчения. Должен же быть какой-то выход! Алина вдруг поняла, что если она не поедет к врачу сейчас, ей придется записываться на неделю позже. Прожить еще одну неделю в полном неведении касательно того, что происходит с сыном? Нет, это было совершенно невыносимо! «Так, без паники! Еще недавно я ездила на общественном транспорте, и сейчас доедем, не конец света». Всклипнув еще раз и вытерев слезы, Алина схватила сумку и побежала в детский сад, забрала Вовку и повела его к метро. Но на подходе к кассам поняла, что между «недавно» и «сейчас» был нюанс, который требовал пристального внимания. Этот нюанс – хрипло орущий и упирающийся – она сейчас тащила за руку.

Первым делом нужно было купить жетон, лучше сразу два, в оба конца. Алина встала в очередь, Вова выдернул руку, разом перестал орать и разлегся на бетонном полу. Каждый, кто стоял в очереди, счел своим долгом уставиться на него. Конечно, Вовка их впечатлил. В меховой шапке и ботинках, которые так и не удалось уговорить поменять на другие, в куртке с мокрыми пятнами: по дороге он успел завалиться в свежие весенние лужи. Но Алине было все равно, ведь он лежал молча, всего лишь стуча ногами по бетону, и никуда не убегал. Наконец одна бабулька подала голос:

– А что же это мальчик у вас на полу лежит, простудится ведь!

Алина молчала, до заветных жетонов оставалось два человека. Старушка продолжила:

– Ой, бедный малыш, ему же, наверно, жарко в шапке.

Алина стиснула зубы и подала деньги в окошечко кассы. Сзади послышался возмущенный шепоток. Алина схватила жетоны, наклонилась и, сжав Вовину руку повыше локтя, начала поднимать его с пола. Вова тут же отреагировал истошным воплем и стал вырываться, пытаясь ударить мать ногой.

Бабулька была тут как тут:

– Да что же это он у вас так кричит?

К ней присоединилась разнаряженная матрона лет пятидесяти:

– Девушка, осторожнее с ребенком, вы же ему руку оторвете! – и добавила, обращаясь к толпе зевак: – Понарожают, а обращаться с детишками-то и не умеют!

Тут уже Алина не выдержала, и, развернувшись к очереди, рывкнула:

– Не нравится? Милицию вызывайте!

Любопытствующие возмущенно загудели. Алина оторвала Вову от пола и понесла его, орущего во все горло, на эскалатор. Бабка, неодобрительно бурча что-то себе под нос, засеменила следом. На эскалаторе рев утих, так как Вова занялся любимым делом: совал пальцы под едущие резиновые перильца. Пассажиры молча косились на растрепанную и покрасневшую от борьбы с собственным чадом молодую женщину и, не желая связываться с явно неадекватной мамашей, даже не пытались ей напомнить, что детские пальцы под движущимися частями эскалатора – это опасно.

В вагоне Вова вел себя нормально, только всю дорогу пролежал на полу, заставляя пассажиров его обходить. На выходе Алина, не обращая внимания на возмущенный рев, перехватила сына поперек туловища и так вынесла на улицу. Отдышавшись – ноша-то тяжелая, – собрав волосы и отряхнув плащ, Алина потащила подвывающего Вову за руку. Когда они наконец добрались до кабинета логопеда, уставшую и измотанную Алину вдруг осенило, что она могла просто вызвать такси.

К счастью, логопед Алла Владимировна Цветкова принимала всех точно по расписанию и ждать им не пришлось ни минуты.

В кабинете было невероятно количество развивающих игр и игрушек. Шкафы были забиты до самого верха: коробки разных цветов и размеров громоздились тут и там. Кое-что даже озадачивало Алину: фанерные дверцы с разными замочками, игрушечная веревка с маленькими прищепками. Ей понравился огромный кукольный домик: пока логопед вытаскивала разные коробки и подсовывала их под нос Вове, Алина с интересом разглядывала окошки и крохотную мебель.

Вовку заинтересовали, конечно, машинки. Не произнося ни звука, он, проигнорировав деревянные деревья и домики, уверенно вытащил машинки из коробки и стал расставлять их ровными рядами по столу. Сначала маленькие, потом средние, потом большие. Он ставил их вплотную, добиваясь идеальной ровности линии, упрямо выправляя любые самые крохотные нестыковки.

Алина извинилась за мужа, который не смог приехать, посетовала на то, как трудно добираться без машины, и постепенно, под кивание Цветковой, начала излагать жалобы.

– Не говорит, совершенно ничего не говорит, – сказала Алина и вдруг растерялась. Теперь рядом с Вовой, спокойно играющим в машинки, все ее тревоги вдруг показались пустяковыми. Плохо спит ночью – а при чем тут логопед? Капризный и непослушный – ну так ему всего лишь два с небольшим года.

Цветкова заметила паузу и начала задавать вопросы.

– Скажите, а ваш мальчик... он в глаза смотрит, у вас зрительный контакт есть?

– Нет, – удивленно ответила Алина, вдруг поняв, что Вовик действительно никогда не смотрит ей в глаза. Алла Владимировна нахмурилась. Что-то записала в блокноте и спросила:

– Пальцем указывает на то, что ему нужно?

– Нет, берет мою руку и ею пытается взять или открыть.

– В еде избирателен? – продолжала заученно спрашивать Алла Владимировна, записывая ответы.

– Да, очень. Ест практически одни булki и йогурты, пробовать что-то новое не уговорить.

– А одежду новую легко дает надеть?

Алина удивленно покосилась на Цветкову – врач явно многое знала о Вове! – и многозначительно указала на меховую шапку и ботинки, которые она даже не попыталась снять.

Каждый новый вопрос вводил Алину все в большее замешательство. Логопед не спрашивала почти ни о чем, что относилось бы к задержке речи, в то же время Алину не покидало ощущение, что все эти вопросы задаются с определенной целью и, безусловно, представляются врачу очень важными. Алина отвечала: «Нет... не умеет... не играет... не понимает... не дает... не угощает...» – и ее все сильнее охватывало предчувствие чего-то ужасного. Только теперь она явственно осознала, сколько у них всяких «не». Логопед вкратце обрисовала, что умеет делать обычный ребенок в три года:

– Речь у ребенка в три года уже практически как у взрослого, только с маленьким словарным запасом, пассивная речь чаще всего опережает активную...

«До трех лет осталось меньше трех месяцев», – подумала Алина. Она уже понимала, что логопед сейчас скажет что-то определенное, то, что очевидно специалисту с первого взгляда, и с каждым полученным ответом она лишь убеждается, что не ошиблась.

А Цветкова продолжала:

– Конечно, я не могу ставить вам диагноз, да и в вашем случае диагноз – дело долгое. Скорее всего, до пяти лет, кроме задержки речи, официально вам ничего не поставят. Могут поставить вторичную задержку развития, хотя в три года и это вряд ли...

– А неофициально? – спросила Алина, уже готовая ко всему.

– Ну, сейчас это весьма похоже на аутизм... – Цветкова продолжила говорить что-то про «аутичные черты», про то, что такой диагноз официально получить почти невозможно, но Алина уже не слушала.

Вот он, приговор... Алина не очень понимала, что значит аутизм, хотя смотрела «Человек дождя» и еще какой-то голливудский фильм. Враз исчезли все сомнения: ничего не было случайным. Каждая проблема, каждый Вовин крик, каждое его действие – все встало на свои места, пазл сложился в общую картинку, и вот он, диагноз, странный, непонятный, но известный врачам. На миг она почувствовала облегчение. До сих пор она уговаривала себя, что ее сын обычный, а все его закидоны в поведении относил на свой счет. «Да, – думала она раньше, оставляя его валяться на земле или после очередной бесплодной попытки почитать ему книжку, – хреновая из меня вышла мать, чего уж там». Теперь же оказалось, что какая бы она ни была мать, хоть золотая, все равно ее сын ходил бы сейчас по этому кабинету в зимних ботинках и расставлял машинки в аккуратные ряды по размеру и цвету. Ну, как бы то ни было, теперь она знает, что происходит, осталось выяснить, что с этим делать.

Вова закончил с машинками и стал тянуть ее за руку к двери. Однако Алина не собиралась уходить, не узнав ответа на самый главный вопрос.

– Алла Владимировна, а... что же теперь делать?

Логопед ловко смахнула рассортированные машинки обратно в коробку и достала лист бумаги. Она начала записывать координаты мам, у которых такие же дети.

– Я всего лишь речевой терапевт и не отвечаю за лечение. Предлагаю следующее: вот, позвоните этим женщинам, они подскажут вам, к кому лучше обратиться, и дадут практические советы, как вести себя с вашим малышом. Но одно могу сказать прямо сейчас: вам понадобится много работать с самыми разными специалистами и многому от них научиться.

Вова, увидев сложенные в коробку машинки, взвыл, начал снова их вытаскивать и аккуратно выпихивать логопеда из-за стола, чтобы расставить машинки ровно на те же места, на которые он их уже однажды поставил. Алла Владимировна невозмутимо освободила ему стол, отдав листок Алине, а Алина ошеломленно смотрела на Вову. Вот же оно, почему она раньше не замечала?

Она попросила разрешения подождать, пока не подъедет такси, и на прощание они обсудили вопрос о том, имеет ли вообще смысл вести логопедическую работу с неговорящим ребенком. Оказалось, что Цветкова именуется «речевой терапевт» не случайно и одна из ее задач как раз и состоит в том, чтобы побудить ребенка общаться.

Когда они сели в подъехавшую машину, Алина снова ощутила непреодолимое желание плакать. Умом она понимала, что ничего страшного не произошло, наоборот, теперь все будет понятно. Конечно, понадобятся врачи и все такое. Кроме того, разве она не вышла оттуда с тем же ребенком, что и зашла? Но сердце Алины чувствовало этот скорбный миг: не стало ее самого обычного здорового мальчугана, а появился другой человек, чудной и невероятный – «особый ребенок».

Доехав до дома, Алина предоставила Вову самому себе, а сама ринулась в интернет. Вова, воспользовавшись шансом, ловко стянул на пол одеяло и подушку под стол, забрался туда сам, укутался и сразу заснул.

Первым делом она бросилась смотреть, что такое «аутизм» и каковы его симптомы. Она открывала одну за другой страницы, которые ей выдавал поисковик по запросу «аутизм», и начала их жадно читать. Представшая ее глазам картина шокировала. Каждая мелочь, над которой она смеялась или от которой отмахивалась, оказалась симптомом. Бегаёт по всей квартире и бесконечно выключает свет. Сидит неподвижно целый час, слушая музыку. Не показывает пальцем. Не играет с другими детьми. Расставляет предметы в ровный ряд.

Казалось, этот список никогда не кончится! Она жадно вчитывалась в каждое слово, и все, все подходило! Никакой новой одежды или еды. Указание на предметы с помощью руки взрослого или другого предмета. Смех без видимой причины. Все сходилось один к одному. Где были ее глаза? Проглатывая информацию и перескакивая с одного сайта на другой, она все больше убеждалась, что нет в мире ничего очевидней того факта, что у Вовы именно аутизм.

Алина сконцентрировалась на поисках лечения. Перейдя по первой же ссылке – так озадачило ее содержание найденного сайта, – она обнаружила форум странных родителей. Складывалось ощущение, что эти люди считают аутизм болезнью обмена веществ. На сайте шло активное обсуждение диет, вылечивания от глистов, восстановления микрофлоры желудка. Алине это показалось дикостью. Какое отношение кишечник может иметь к тому, что ребенок не выполняет простейшие команды и не смотрит тебе в глаза? Тем не менее ее поразила странная убежденность, даже фанатизм участников форума. Решив вернуться на этот форум позже и почитать внимательнее, Алина поставила закладку и перешла на более традиционные ресурсы. Идеи мелькали одна за другой: занятия с лошадьми, с дельфинами, просто плавание. Время от времени ей попадались чужие истории болезни. Она внимательно прочитывала: кто-то упоминал неудачные прививки, кто-то тяжелые роды... Ничего подобного у Алины не было и в помине.

Вся ее беременность протекала как сладкий сон. Семен буквально носил Алину на руках, исполнял любое желание. Наблюдение у высококлассных гинекологов в недавно открывшемся медицинском центре, роды в шикарной индивидуальной палате. Правда, сами роды она помнила плохо – все слилось в один ужасный кошмар. Семен присутствовать не захотел, сказал, что не сможет смотреть на ее страдания спокойно, но народу и так хватало: акушерки, гинекологи, сестры, педиатры и еще неизвестно кто, к концу ей это было уже неинтересно. Она смутно помнила, как выпрашивала наркоз, акушерка жалостливо смотрела на нее и говорила: «Подожди, милая, первые роды, рано тебе еще». В конце концов наркоз она выпросила, но уже и он не мог сгладить непрекращающуюся пытку схваток. С точки зрения врачей, роды были идеальными и родившийся Вовка-карапуз – три девятьсот, настоящий богатырь – тоже был сочтен образцовым младенцем.

Да и весь первый год своей жизни Вовик не вызывал у врачей никаких опасений. Да что там, когда он пошел в восемь месяцев, а в девять при ходьбе уже держал в руках мяч, опытная невропатолог записала в карточке: «опережение психофизического развития» – и долго восторгалась смышленным мальчишкой. Даже ортопед не мог придрасться к Вовиной осанке и походке, что страдали у других малышек, рано вставших на ножки. Самой же Алине пришлось несладко в постоянной беготне за сыном.

Тогда Алина не заостряла внимания на бегущих днях и ночах. Она только жалела, что ее добеременная свобода испарилась навсегда. С самого момента Вовиногo рождения она ощущала себя бесконечно замученной и не способной ни на что вообще. Два раза в неделю она переодевалась, красилась и ходила в ближайший супермаркет, но можно ли было считать эти походы выходом в свет, или же, напротив, они только усиливали в ней чувство беспомощности, она так и не разобралась. Теперь задним числом она помнила, что Вова был очень спокойным ребенком: спал всю ночь, не просыпаясь, мог сам себя занять, рано полюбил машинки, мозаики, поезда, которые можно было классифицировать по цвету и размеру и расставлять ровными рядами.

Когда же появились первые признаки надвигающихся проблем? Речь! Да, первое, что вспомнила Алина, – это пропавшие слова. Несколько первых детских слов, практически лепет: «дай», «пока» – они появились еще до года, но пропали через пару месяцев. Она вспомнила, что весь его второй год жизни она спрашивала у педиатра: «Почему же он ничего не говорит? Доктор, он, кажется, не понимает моих слов». И педиатр успокаивала ее: «Ну что вы, не волнуйтесь, мамочка, сейчас все дети начинают поздно говорить, а тем более мальчишки».

И невропатолог то же самое: «Подождите, вот сейчас лето наступит. Летом все дети быстро развиваются, нагоняют упущенное за зиму». И она ждала. Ждала, ждала... А что еще оставалась делать, если даже опытные специалисты не волновались.

Когда пошел третий год Вовиной жизни, невропатолог стала смотреть озабоченно, даже прописала Вове курс стимулирующих таблеток. Но к тому времени Алина твердо уверилась, что с сыном все в порядке, ведь врачи не единственные, кто уверял ее в этом. И свекровь, и молодая мамаша с детской площадки, и воспитательница в садике повторяли именно то, что она хотела слышать: у каждого ребенка свой темп развития, мальчики начинают говорить поздно, не нужно сравнивать с другими, все дети разные. После очередного визита невропатолога она звонила сестре и возмущенно говорила в трубку: «Ты представляешь, она выписала Вовочке какие-то таблетки! Как можно травить ребенка химией, а тем более это что-то для мозга – наверняка опасное!» И удовлетворенно хмыкала, когда Юля поддакивала: «Конечно, лишние таблетки ни к чему».

Где, когда она должна была понять, что дела плохи? В какой момент ей надо было хватать Вовку и тащить по всем врачам без разбору? Сколько раз ей нужно было повторять: «Он не понимает речь, он не выполняет простые команды, с каждым днем все больше истерик. Доктор, что с ним?»

Жуткое давящее чувство вины захлестнуло Алину: никудышная из нее вышла мать! Конечно, материнство не доставляло ей особых радостей, но она думала, что, по крайней мере, хорошо выполняет свои обязанности. Вова был одет с иголочки, на столе всегда все свежее, отдельная комната, куча игрушек, врачи, приличный детский сад... Она думала, что сделала все, что положено. А теперь оказалось, что она ничего, ничего толком не сделала для единственного сына! Боже, да хуже, чем ничего! Алина похолодела. Она же лупила его по ночам, лупила, чтобы разбудить, и злилась на него ужасно, потому что своим бешеным криком он превращал каждую ночь в пытку. А теперь оказалось, что она была больного ребенка, которому снились бог знает какие кошмары!

Она должна что-то сделать. Врачи! Но какие, какие врачи? Она схватила сумочку, быстро перебрала листочки и нашла тот, что ей записала логопед. На листочке значилось «Таня» и номер телефона. Она схватила мобильный и набрала неведомую Таню.

Разговор получился сумбурный. Алина еще не до конца пришла в себя и то задавала вопросы, то постоянно возвращалась к собственной истории. Ей с трудом удавалось слушать, что отвечает Таня. К концу беседы она получила номер телефона психиатра. Ирина Петровна Юшкевич, так ее звали. Алина поняла, что Таня очень высоко отзывалась об этой Ирине Петровне, говорила, что начать обязательно надо с визита именно к ней.

Алина набрала и этот номер. Попасть на прием оказалось очень трудно, но ей удалось кое-как сократить срок ожидания до двух недель. На этот раз она непременно поедет туда с Семем. Вот черт, Сема ведь еще ничего не знает! Как, какими словами сказать ему? Как он отнесется к этой новости? Алине всегда казалось, что Сема не слишком привязан к единственному сыну, а тут еще и такой диагноз. Что же делать? Алина плюхнулась в кресло, прикрыла глаза.

Она вспомнила летний день, когда Стася уговорила ее поехать на Васильевский остров. «Ну, кого мы здесь, в институте, себе найдем? – убеждала Алину подруга. – Бухгалтера? Экономиста? А вот на Ваське настоящие факультеты, филологический например». Алина не очень поняла, чем филологический лучше экономического, но спорить с подругой не стала, послушно надела выданную ей короткую юбку и откровенную кофточку. И девушки отправились соблазнять питерских студентов.

Алина знала, что обе они смотрелись неотразимо, и понимала важность мероприятия для будущего. Но именно сегодня мысль о том, что ей, юной беззаботной студентке, нужно

искать какого-то завидного жениха, была далека, она совершенно забыла о поставленной подругой задаче и просто наслаждалась чудесным летним днем. И вот тут к ним и подошел Семен. Сначала он Алине не приглянулся. Не то монгольское, не то татарское лицо, одет, как говорится, бедненько, но чистенько. И все приставал к ним с какой-то ерундой о вреде курения. Единственное хорошее, что нашла в нем Алина, было его постоянное внимание именно к ней. Все-таки обычно молодые люди, встретив их со Стасей, долго переводили взгляды с подруги на подругу, не в силах сделать выбор между двумя очаровательными девушками. К Семену это не относилось. С первой минуты он всегда смотрел только на нее. Он учился на химическом факультете, и Алина изредка виделась с ним, когда приезжала с подругой в Петродворец. Его внимание льстило самолюбию, но не более того. По окончании института совершенно неожиданно оказалось, что они вместе будут работать в «Норме». Алина ничего не заподозрила, хотя постепенно другие кавалеры каким-то образом исчезали с горизонта один за другим, и везде они с Семой ходили только вдвоем.

Так все само собой и вышло. Алина уже не искала лучшей пары. Да и чего было искать: петербуржец, с квартирой, да и всем уже было видно, что он влюблен в Алину по уши. Так что, когда он пригласил посмотреть его квартиру, Алина решительно надела кружевное белье – она была готова ко всему. Ей ужасно польстило, что первым делом он сделал ей предложение, подарил немыслимо дорогое кольцо и только потом на нее накинулся. Алина вообще поражалась, что он так долго терпел. Сама она, конечно же, оставалась девушкой, она как-то и не испытывала интереса к сексу ни до ни после замужества. Да и тот первый их секс, который должен был стать счастливым и запоминающимся событием, она вытерпела только на душевном подъеме от только что полученного предложения руки и сердца, с которым она, конечно же, согласилась. И не прогадала ничуть! Ее жизнь с Семеном была именно такой, о которой она мечтала у себя в деревне. Медовый месяц в Испании, цветы, подарки. А как Семен был счастлив, когда узнал о ее беременности! Он тогда немного растерялся, но на радостях пытался срочно купить кровать, обзванивал друзей, гордо заявляя, что скоро станет отцом. Алина смотрела на него немного снисходительно – вот ведь, молодой папаша!

Но прямо сегодня Алина должна будет ему сказать, что у их единственного сына аутизм. Вова все еще спал, поездка к логопеду сильно утомила его. Алина вскочила с кресла. Чтобы хоть как-то отвлечься, она пошла на кухню. Подумала было приготовить ужин, но, заглянув в холодильник, поняла, что это бессмысленно: в холодильнике полно готовой еды из кулинарии. Она снова уставилась в компьютер и стала перебирать ворох информации, хоть как-то связанной с аутизмом. Вскоре статьи и обсуждения на форумах смешались в голове Алины в густую кашу. Но это хоть как-то отвлекало ее от мучительного ожидания мужа.

Наконец замок в двери щелкнул. Алина вскочила, метнулась в прихожую и застыла перед вошедшим мужем. Однако выражение лица Семена явно означало, что нужно отложить все разговоры на потом. Инстинкт подсказывал ей, что не следует с порога выкладывать свои проблемы. Сначала ужин, граммов сто пятьдесят коньяка или текилы, которую Семен особенно любил. И только потом исподволь выяснять, в чем дело.

Семен мимоходом коснулся губами ее виска и молча прошел на кухню. Алина побежала за ним, посмотрела на него с отчаянием, открыла было рот, запнулась, но вдруг выпалила:

– Я не поняла, почему ты не поехал сегодня со мной к логопеду. Мы же договаривались!

Семен поднял на нее недоуменный взгляд, перевел его в окно за спиной Алины и пробормотал:

– Какая теперь разница...

Пока Алина переваривала услышанное, он выпил залпом стакан воды и ушел в спальню. Алина в бешенстве ворвалась следом за ним: Семен раздевался и развешивал одежду в шкафу.

– Как это какая разница?! Ты же знал! Я еще две недели назад сказала тебе! Что это значит: какая разница?

Семен поморщился, надел домашний халат и пошел на кухню. Алина, не в силах больше сдерживаться, крикнула ему вслед:

– Ты хоть знаешь, что она сказала? Она сказала, что у него аутизм!

Семен обернулся:

– У кого?

Алина скрипнула зубами. Чертов Зубов! Он что ли совсем ничего не понимает? Их жизнь рушится по кирпичику, а он стоит тут в дверях и делает глупое лицо!

– Да у Вовы, у сына твоего, у кого же еще! У него все симптомы.

Семен остановился в коридоре и заботливо посмотрел на жену:

– Какие симптомы? О чем ты вообще говоришь? Он, конечно, неуравновешенный, упрямый, но разве это симптомы аутизма?

– Да ты не понимаешь! – Алина засуетилась, обрадованная, что ей удалось привлечь внимание мужа к основному вопросу. – Помнишь, он бегал по всей квартире и выключал свет? А помнишь, он расставлял машинки по размеру? А помнишь...

Семен устало вздохнул и перебил ее:

– Послушай, Алина, ты знаешь, я сам все время хотел, чтобы ты отвела Вову к врачу, потому что меня волновало его поведение. Но то, что ты говоришь, это вообще ерунда какая-то. Ну и что, что он выключает свет? Любой ребенок может так баловаться. Расставляет в ряд машинки? Ты сама-то подумай, на что ты жалуешься. Это нормально.

Алина в возбуждении размахивала руками прямо перед носом мужа, ходила туда-сюда, повторяя:

– Сема, это все симптомы! Там еще много признаков, я тебе не все назвала, но они все подходят. И что руку мою берет, когда указать на что-то хочет, и этот его крик по ночам...

Семен потер виски кончиками пальцев, помолчал, а потом твердо сказал:

– Алина, это полная чушь. Единственное, что тебе нужно теперь сделать, – найти другого врача, не логопеда. И еще одного врача, если этот скажет то же самое. Какой аутизм? С чего бы?

Алина растерялась:

– Я не знаю, как тебя убедить. Я, конечно, схожу еще к другому врачу. И наверное, не к одному. Но понимаешь, нам срочно надо записать его на множество специальных занятий: с лошадьми, с дельфинами, музыкальная терапия, занятие с психологом, с логопедом опять же. В общем, я займусь всем сама, а ты дай мне пока тысяч тридцать на ближайшие расходы.

Семен посмотрел на нее внимательно. Криво усмехнулся. И вышел из комнаты. Алина опешила. Она не могла понять, что происходит. На все ее просьбы, даже на случайные капризы, Семен всегда откликался с улыбкой. А сейчас, когда речь идет о здоровье его единственного сына, он ее не хочет понять. В недоумении она пошла за ним в гостиную, стараясь сдерживать обиду и ярость. Семен сидел на диване и смотрел в пол. Когда она вошла, он поднял глаза и сказал:

– Нет, Алина, я не дам тебе тридцать тысяч, и вообще, пока у тебя не будет заключения нормального врача, проверенного и дипломированного специалиста, а лучше двух, я отказываюсь обсуждать какой-то там аутизм.

Он включил телевизор, давая понять, что разговор окончен. Алина стояла столбом, изумленно глядя на него. Такого ответа она не ожидала. Дело было даже не в его отношении к предполагаемому диагнозу, это как раз было понятно: какой родитель, любящий отец захочет так вот сразу признать в родном сыне аутиста? Алину больше всего поразил его твердый отказ на ее просьбу. Такого еще не бывало! Если бы все ее мысли сейчас не занимал Вова, ей было бы о чем подумать. Но ее мысли занимал только Вова: а ведь муж, возможно, в чем-то и прав, в конце концов, она уже записалась к одному психиатру, почему бы не записаться к двум, да и в детском саду просили справку. Алина развернулась и ушла к себе. Она села за компьютер

и стала перелистывать страницы интернета в поисках телефона районного диспансера. Что ж, одна голова хорошо, а две лучше.

Глава 5

Следующие дни прошли в суете. Алина записала Вову, помимо рекомендованного Татьяной специалиста, к районному психиатру, но и этого ей показалось мало. Каждый день казался ей ужасным упущением, ведь сейчас сыну только два года. Наверняка нужно срочно что-то исправлять, а вместо этого ей оставалось только в нетерпении ждать назначенного визита. Отношения с Семеном стали странными. Он уходил на работу мрачный и приходил с работы и того хуже. Алина уже стала догадываться, что в «Норме» что-то неладно, но спрашивать напрямую еще не решалась. С разговорами об аутизме она решила повременить, но муж игнорировал и другие темы для беседы. В результате говорили мало, в основном о погоде.

Первым настал визит к участковому психиатру. Детский психиатрический диспансер оказался уютным и чистым, с миленькими цветными стенами, веселей, чем она себе представляла. Психиатр – молодая симпатичная девушка, с внешностью, которая совсем не вязалась с образом опытного врача. Алина сумбурно начала вываливать жалобы. Делать это было довольно трудно, так как Вова начал орать еще в коридоре, а в кабинете он просто улегся на пол и стал колотить зимними ботинками об стену. Алина, перекрикивая его, говорила, что он не смотрит в глаза, что может целый час слушать классическую музыку, что вчера на кухонном полу выложил длинную дорожку из макарон...

Психиатр оказалась не робкого десятка, перекрикивала Вову и дала Алине подписать несколько бланков – согласие на лечение – и написала справку: ребенок нуждается в посещении коррекционного детского сада.

– А диагноз, мамочка, вам никто за пять минут не поставит, – выкрикивала она. – Это займет несколько месяцев, а может, лет. Такого диагноза, как детский аутизм, у нас вообще в перечне нет.

– Что же мне тогда делать? – неожиданно тихо, будто у самой себя спросила Алина. Психиатр ее услышала:

– Ну, записывайте: сейчас мы вас ставим на учет, отправляем на обследование к специалистам, через полгода начнем собирать документы на медкомиссию...

– Какую медкомиссию? – настороженно спросила Алина.

– Ну как? Будем вашему малышу инвалидность оформлять. Как-никак ему уже три года будет, думаю, вы вполне врачебную комиссию устроите. Пенсию вам назначим, пособия, льготу на квартплату опять же.

Алина вскочила с дерматинового стула:

– Да зачем мне ваша инвалидность? Разве я за этим к вам пришла? Он ведь маленький еще, можно ведь что-то сделать, пока не поздно!

Молодая врачиха не по возрасту мудро посмотрела на Алину.

– Так вам не пенсию... Ну хорошо, мамочка. Проконсультируйтесь с другими специалистами, к невропатологу сходите. На учет я вас ставить пока не буду. А адрес, если что, вы знаете.

Из кабинета Алина вышла расстроенная. Все пошло не так, как она планировала. Врач не врач – молодая девчушка. Инвалидность какая-то. И опять никакого официального диагноза. Сама-то Алина уже не сомневалась, что у Вовы не что иное, как аутизм. Но ведь Семен сказал, что без официальных документов он ей не поверит. А получить этот диагноз конкретно и официально, похоже, ей не удастся никогда. Впрочем, оставался еще прием у Юшкевич.

Алина заехала домой и оставила Вову с няней. Будучи беременной, она планировала, едва родив, взять для малыша круглосуточную няню, а самой вести прежнюю жизнь. Но все эти кормления, вставания по ночам да и просто нахлынувшая беспросветность полностью отбили у нее охоту к общественным мероприятиям. Она даже краситься заставляла себя с трудом.

Редкие попытки выйти из дома только ухудшали состояние. Как ни старалась она отвлечься, все равно каждые пять минут звонила домой, узнавала, как там Вова, плачет или спит, играет или, может, хочет есть. Стремилась как можно скорее оказаться в родных стенах. Она злилась за это на саму себя и на сына, но по-другому никак не получалось. Конечно, няню она наняла, но тут выяснился один нюанс: очень трудно заниматься личными делами под присмотром чужого человека. Когда Олеся, так звали няню, приходила и занималась ребенком, Алина спокойно не могла ни понежиться в ванной, ни валяться полуодетой на диване, поэтому постепенно помощь Олеся свелась к прогулкам: она заматывала Вову в теплую кофту и комбинезон, клала в коляску и уходила гулять на пару-тройку часов. Только когда Вова спал на прогулке и никого не было дома, Алина могла заниматься собой. Правда, занятия эти сводились обычно к одному – рухнуть в кровать и уснуть.

Когда Вова пошел в садик, Алина вообще планировала отказаться от услуг няни, но и это не получилось. Абсолютно здоровый малыш, ни разу не чихнувший до полутора лет, после первой же недели в садике жестоко заболел бронхитом. Так и повелось: неделю он ходит в сад, три недели болеет. Олеся осталась на подхвате. Когда Алина бросила кормить грудью, жить ей стало легче, теперь она могла иногда ходить на фуршеты и пить шампанское. Вот сейчас она даже мысленно похвалила себя за предусмотрительность: за всю беременность и кормление она не выкурила ни одной сигареты, не выпила ни одного бокала вина, методично выполняла все предписания врачей. И наследственность у нее была хорошая. Что бы там ни случилось с Вовой, ее вины в этом не было – в этом Алина была абсолютно уверена.

Теперь путь Алины лежал в Вовин садик. Надо было отдать им эту несчастную справку из психдиспансера, раз уж они ее так просили. Воспитательница отправила ее к медсестре, которая схватила справку обеими руками, прочитала и быстро убрала в стол. Потом она отперла огромный жестяной шкаф.

– Так, так. Сейчас найдем ваши документы.

Она нервно перебирала папки, а Алина, ничего не понимая, уставилась на нее:

– Зачем нам документы?

– Ну как же, как же... Мы сейчас вам все отдадим: и медкарту вашу, и сертификат прививочный, вам же в спецсаду они понадобятся обязательно.

Алина поняла, что опять совершила промашку.

– Как так? Прямо сегодня? И как мы попадем в коррекционный сад?

– Ну, как обычно: встанете на очередь в роно, когда ваша очередь дойдет, вам позвонят.

– А сейчас-то с кем мне Вову оставлять?

– А с кем он в данный момент?

– С няней, – растерянно прошептала Алина.

– Ну, вот с няней и посидит пока, – медсестра довольно и широко улыбнулась. – Не волнуйтесь, все у вас будет в порядке.

Алина хмыкнула. Избавились от проблемного ребенка и радуются. Легко им теперь говорить ободряющие слова. Ну и ладно, этот сад все равно им теперь не подходит.

Алина побрела домой. Она старалась держаться, но в голове ее вертелся безумный круговорот. Что делать? Куда бежать? В-первых, врачи. Алина решила записать Вову ко всем специалистам, которых упоминала девушка-психиатр: невропатолог, логопед, лор, психолог и, на всякий случай, остеопат. К остеопату они уже ходили несколько раз, но толку от сеансов Алина не заметила. Разве что Вова орал каждый раз все громче и громче, так утомляясь от истерики, что к концу сеанса просто вырубался и засыпал. И конечно же, скоро визит к той самой Юшкевич. Во-вторых, теперь нужно что-то решить с садиком. Из этого их вежливо выперли, а когда им удастся попасть в коррекционный, Алина вообще не представляла.

Проблема с садиками была сумасшедшей. Последние годы в Питере наметился беби-бум, и молодые мамочки шли на любые ухищрения: очередь занимали еще беременными, подсо-

ывали взятки заведующим и медсестрам или сдавали деньги «на ремонт, мебель, игрушки». Алине тоже пришлось изрядно раскошелиться, чтобы Вова попал в полтора года в этот сад, считавшийся довольно престижным в их районе. Но теперь с этим спецсадом ей придется все начинать сначала.

Алина вспомнила, что у нее есть Олеся. Раньше она не в полную силу использовала няню, но, почувствовав вкус к свободе, не хотела запира́ть себя в четырех стенах, да еще и с самым непослушным ребенком на свете. А уж теперь, когда выяснилось, что Вова болен...

Алине вспомнилось, что после родов она спрашивала у старшей сестры, станет ли она хотя бы немного посвободнее. Юлия подробно рассказывала: «Ну, после года он станет спать спокойнее, а бросишь кормить – сможешь есть, что захочешь. А после двух лет и совсем станет легко. С каждым днем все проще и спокойней. А самая прелесть в три года! Эх, если бы мне выдавали трехлетних детей, я бы взяла сразу штук пять!» Алина терпеливо ждала. Сначала все шло по плану. Спать Вова начал всю ночь раньше, чем ожидалось. Грудью она перестала кормить в год. Но чем ближе приближалось его двухлетие, тем ей становилось тяжелее и тяжелее. Она не могла никуда с ним пойти. Сначала по совету сестры она пыталась брать сына в торговые центры, а один раз они даже пошли в небольшой итальянский ресторан по соседству. Но из этого не вышло ничего хорошего: в ТЦ – дикие крики и истерика, а в ресторане Вова ее даже укусил.

А теперь Алина и не пыталась куда-либо с ним ходить. Она искренне недоумевала, слушая рассказы Юли, как сестре удавалось с тремя детьми ходить то в цирк, то в парк, то в океанариум. Алина представляла себе посещение цирка как самый страшный кошмар. Конечно, теперь-то все прояснилось. Ее сын просто не такой, как все. Юлины прогнозы не сбылись...

Алина пришла домой и первым делом позвала Олеся.

– Олеся, у меня для вас приятная новость, – с улыбкой сказала Алина. – Я теперь возьму вас на постоянную работу, потому что хочу устроить Вову в садик получше, а это займет много времени.

К ее удивлению, няня восторгов не выказала. Напротив, она смотрела на Алину напряженно, даже злобно. Алина спросила, все ли в порядке. Олеся фыркнула:

– Вам лучше знать! Но мне постоянная работа у вас не нужна!

Алина так и села прямо в прихожей.

– Что случилось, Олеся? Вы же у нас давно работаете...

– Что случилось! Да ненормальный ваш Вова, вот что! Я ходила с ним сегодня гулять, как обычно. Конечно, по этому дурацкому, им утвержденному, маршруту: горка, забор от платформы железнодорожной станции, детская комната в «О'кее». Когда мы подошли к забору, к платформе подъехал поезд. Так Вова вырвался у меня из рук... Вы же знаете, какой он сильный, мне не справиться было! Пролез через щель в этом заборе и побежал к открытым дверям в электричке. Я орала! Я вообще не знала, что делать! Там же турникеты. Мне ни пройти, ни пролезть. А ему по барабану! Чудом каким-то меня мужчина заметил, поймал мальчишку и мне обратно притащил. Вова его еще ногами всего испачкал, так вырвался! – Олеся закончила гневную тираду и, переводя дух, сдула с лица упавшую на глаза челку.

Алина молча смотрела на Олеся. Она не знала, что сказать. Каждый день, каждый час ее привычный мир распадался на кусочки.

Олеся собрала вещи, быстро оделась и ушла.

«У меня ничего не выйдет, – подумала Алина. – Наверно, у какой-нибудь другой матери, заботливой, доброй, терпеливой... которая любит готовить, убирать, играть в кубики или читать вслух в тысячу первый раз одну и ту же книжку из трех страниц. Наверное, у нее получится. Но не у меня...»

Кое-как протянув неделю, Алина дождалась визита в центр «Дети и мир». Там работала, как считалось, лучший психиатр, эксперт по аутистам Ирина Петровна Юшкевич. На этот раз Алина решила, что без Семена не пойдет. Он по-прежнему был очень странный. Алина даже думала позвонить Стасе и спросить, все ли у них в «Норме» спокойно. Впрочем, Анастасия и сама бы ей позвонила, если что. Алине сейчас и своих проблем хватает. Какие бы там сложности ни были у Семена, он и сам отлично с ними справится.

Алина убедила Семена непременно пойти вместе к психиатру – он же сам настаивал на консультации авторитетного врача! И вот они сидят на маленькой кривоватой кушетке в Центре усиленного развития «Дети и мир» втроем: папа, мама и неожиданно присмиревший Вова. Алина постаралась, чтобы они приехали на прием заблаговременно. Но ждать пришлось недолго. Дверь кабинета открылась, оттуда вышла женщина с сыном: молодым человеком лет семнадцати, очень полным, рыхлым, с отсутствующим взглядом на удивительном одухотворенном лице. Зубовы замерли. Алина даже вцепилась пальцами в жесткую кушетку. Молодой человек был очень-очень странный! Он передвигался медленными шагами, его глаза смотрели куда-то вверх, словно выше пределов достижимости, где, казалось, он вел некие божественные расчеты, плавно переставляя руками невидимые в воздухе цифры. Но не это поразило Зубовых больше всего. Было в нем что-то неуловимое, но определенно напоминающее Вову: то ли поднятые вверх локти-«крылышки», то ли танцующая походка, то ли отрешенный взгляд. У Алины мурашки побежали по коже.

– До свидания, молодой человек! – ласково сказала худощавая женщина в тонких очках, выглянув из двери. – А вы с мальчиком можете заходить.

Алина и Семен встали и направились с Вовиком к кабинету, но, словно замороженные, оглядывались на юношу с покачивающейся походкой, которого мать плавно подталкивала к выходу.

Ирина Петровна задавала им вопросы, попросила заполнить несколько анкет, внимательно осматривала Вову, который первые пятнадцать минут выстраивал на полу длинную дорожку из машинок, а остальные сорок пять орал и дергал родителей за руки. Алина заученно повторила жалобы и симптомы: не отзывается на имя, не радуется приходу родителей, не играет в ролевые игры. Она уже начала понимать, какие именно аспекты интересуют врачей. Юшкевич все, что слышала от родителей, записывала в карту. Затем повторила уже знакомое Алине: «Я не могу пока точно сказать, что это аутизм. Нужно наблюдение. Постановка диагноза займет несколько месяцев».

Алина уже была морально сломлена, она молча взяла анкеты и готова была идти, но тут очнулся Семен.

– Послушайте, скажите конкретно, вы лично видите, что это аутизм? – требовательно спросил он. Юшкевич посмотрела на него уже знакомым Алине взглядом: понимание и жалость.

– Вы знаете, хотя пока я не могу точно сказать, но мне все-таки кажется, это не классический ранний детский аутизм. Уж больно у вашего мальчика смысленный взгляд. Но вы заполните тесты, которые я вам дала, запишитесь на занятия, и через три месяца мы снова с вами встретимся. Посмотрим динамику...

– Три месяца?! – Семена наконец-то проняло. – А сейчас как нам его лечить? Что делать сейчас?

– Вы успокойтесь, – строгим голосом сказала Ирина Петровна, – сейчас уже срочности особой нет. Начните с того, что я вам сказала. Позвоните в Лесгафта, они вас запишут на будущий год на гидротерапию. Это такое лечение, с помощью плавания. Не для того, чтобы научить Вову плавать. А чтобы он в комфортной для него среде привыкал общаться с другими людьми.

По-моему, они там детей с четырех лет берут. Ну, пока вы запишетесь, пока очередь подойдет...

– Но почему, в чем причина этой болезни? – Семен даже привстал со стула.

Юшкевич посмотрела на отца внимательным взглядом поверх очков:

– А этого, к сожалению, не знает пока никто...

От психиатра они вышли в полной растерянности, хотя где-то внутри Алина даже немного торжествовала: теперь-то Семен не сможет усомниться в ее словах! Пусть тоже потревожится. С этой тревогой она прожила последние две недели, а Семена она настигла только сейчас. До дома Зубовы доехали в полном молчании.

Алина занималась ужином, когда Семен подошел к ней и спросил:

– Так что же нам теперь делать?

Алина про себя довольно улыбнулась и сказала:

– Я ведь уже говорила тебе: Вове нужны специальные занятия. С лошадьми, с дельфинами, со специалистами. Вот Юшкевич еще дала совет насчет Лесгафта. Сема, ты обещал тридцать тысяч, – напомнила Алина.

Но Семен отреагировал неожиданно:

– Подожди про деньги. Объясни, какой в этом толк. Чтобы он вырос таким же ненормальным, как тот парень, но при этом умел плавать с дельфинами и кататься на лошадях?!

Алина ошарашенно смотрела на него, а он продолжал:

– Я так понял, теперь мы можем выкинуть на Вову уйму денег, только от этого ничего не изменится, а он будет молчать и раскладывать в ряд деревянные паровозики и макароны.

Алина думала, что все неожиданности позади и теперь после визита к психиатру они с Семеном единым фронтом начнут бороться за Вову. Но все вышло наоборот. Теперь, получается, ей нужно бороться и с мужем. Алине показалось, что у нее земля из-под ног уходит. Навалилась ужасная усталость, мысли потекли медленно и глухо, словно сквозь ватный мешок. За что ей все это? Чем она заслужила этот кошмар? А может, ну его все к черту?

– И что ты предлагаешь? – тихо спросила Алина. И прежде чем Семен заговорил, ей показалось, что она уже знает его ответ. Семен посмотрел в окно, потом поводит пальцем по узору скатерти. И сказал:

– Есть же какие-то заведения для таких детей, интернаты... или как их там?

Алина глубоко вздохнула, посчитала мысленно до десяти, выдохнула и спокойно, очень спокойно спросила:

– Ты хочешь сдать своего единственного сына в психушку?

– Ну почему сразу в психушку? – Семен не поднимал взгляда на Алину, но продолжал уверенно и безапелляционно: – В конце концов, ему необходим медицинский уход, все эти врачи, психиатры, логопеды. А там у него все это будет. Мы же не бросаем его. Просто создаем оптимальные условия для его же комфорта.

Ни разу за эти две недели постоянного напряжения и страха Алине не приходила в голову такая мысль. Сдать Вову в интернат? Ее передернуло. Она наклонилась к лицу Семена и внятно сказала:

– Я. На это. Не пойду.

Возможно, год назад для чужого ребенка предложение Семена показалось бы Алине разумным, но не сейчас, не здесь и не для Вовы. Она развернулась и ушла к компьютеру. По привычке стала переходить по закладкам, проглядывая сайты, которые уже стали ей родными. Ей снова попался форум, предлагающий лечить аутизм с помощью диеты и витаминов. Его Алина еще не изучила, и она углубилась в чтение. Истории успеха поражали. Безнадежные, казалось бы, дети, которым ставили диагноз «аутизм», начинали говорить, играть с другими детьми да и просто становились обычными детьми. Или почти обычными, даже могли ходить в массовые школы и заниматься в спортивных секциях.

Но начинать нужно было как можно раньше. То есть прямо вот с сегодняшнего дня. Никаких «ждать два года». Напротив, почти в каждой теме писали: не упустите время, начните как можно раньше. Звучит, конечно, заманчиво, но, скорее всего, это полная ерунда. Но попытка не пытка. Или пытка? Не попробуешь – не узнаешь. Так и не придя ни к какому решению, Алина пошла готовиться ко сну.

На следующий день утром, припомнив слова мужа, она задумчиво разглядывала Вову, пытаясь понять, а вдруг ему и правда будет лучше в интернате. Вова крутился около нее, время от времени выкрикивая «тыга-дыга».

«Не смотрит в глаза. Совсем не смотрит на меня, – подумала Алина. – И как я раньше не замечала? Вот ведь он со мной сейчас играет, а в глаза мне не смотрит». Алина мягко повернула сына к себе. Вова, было видно, что-то почувствовал, повернул к ней лицо и внимательно стал разглядывать ее глаза. Алина было обрадовалась, но через секунду поняла, что он интересуется ею не как собеседником или партнером по игре. Он смотрел не в глаза, а на глаза – как на предмет. Казалось, его интересует, как эти глаза шевелятся там, внутри головы.

Мальчик вдруг резко протянул цепкие ручонки и вцепился Алине в лицо, двумя пальцами глубоко попав в правую глазницу. Алина вскрикнула и дернулась от пронзительной боли. Вова на секунду замер, а потом стал с большим напором выколупывать ее глазные яблоки. Серьез, с силой и напором. Терпеть эту странную игру Алина не смогла, отвела его руки и встала. Вова зашелся в истерике, пытаясь залезть на нее, дотянуться руками до вожаемых материнских глаз, которые наполнились отчаянием и слезами.

Как назло, Вове игра понравилась. На следующий день, не успела Алина присесть на диван и посмотреть на Вову, он был уже тут как тут, протягивая ручонки к ее глазам. Алина быстро прикрыла их и отвела взгляд. Уже скорее инстинктивно, чем осознанно. И вдруг Алина словно увидела себя со стороны. Вот она, не аутистка, боится родного сына. Старается не смотреть на него в упор. Избегает встречи взглядов.

Алина была потрясена. Вот так сын показал ей свой мир. Вот он какой, это мир, где каждый, кто смотрит тебе в глаза, хочет выколупать твою душу! Хочет распоряжаться твоим временем, тащить куда-то, куда совсем нет желания идти. Хочет трясти, кричать в ухо, требуя чего-то, а тебе в этот момент спокойно и приятно. Хочет навязывать тебе свои желания, лишь только поймав твой взгляд.

О, в этом мире прятать глаза – первейшая необходимость!

Следующие несколько дней Алина ездила с Вовой по врачам. Она старалась ездить только к опытным, рекомендованным специалистам. Первым был невропатолог – солидный дядечка, лет шестидесяти пяти, с бородкой, вообще на вид полностью соответствующий представлению Алины об успешном опытным враче. Именно таким она ожидала увидеть психиатра. Однако ответы солидного невропатолога оказались еще более уклончивыми. Он упомянул пару чудесных историй о том, как дети не говорили до трех лет. Еще пару историй о том, как ребенок без видимых отклонений так и оставался не говорящим на всю жизнь. Пока Алина пребывала в замешательстве, врач выписал несколько направлений: Вове предстояло пройти исследования головного мозга и УЗИ.

Лор, не менее опытная и популярная в среде молодых мамочек докторша, нашла у Вовы аденоиды первой степени, но отметила, что со слухом у него все в порядке. Остеопат, старый знакомый, привычно посоветовал провести еще сеансов пять. Но тут уже Алина взяла паузу и сказала, что перезвонит ему при первой возможности.

Конечно же, она сделала и рекомендованное УЗИ, и энцефалограмму – и все в Вовиной голове оказалось в норме! С неврологической точки зрения Вова был абсолютно здоровым

ребенком. Сходила Алина и в роно, их поставили на очередь в коррекционный сад, но советовали раньше четырех лет ответа не ждать.

У Алины уже был другой план действий. Она увлеклась попытками попасть в мир Вовы и вытащить его наружу. Прежде всего нужно было испробовать все виды занятий со специалистами. Она купила себе элегантный кожаный ежедневник, чтобы записывать в него бесконечный список Вовиных врачей и расписания занятий. К сожалению, почти все было платным и нужно было выбрать. Зато дома Алина не теряла времени даром. Первым делом она стала учить Вову разговаривать. Теперь, когда он прибежал и дергал ее за руку, она не торопилась вставать с кресла, а вместо этого монотонно повторяла ему: пойдём, пойдём! – и не вставала до тех пор, пока Вова не бурчал что-то, хотя бы отдаленно напоминающее это «пойдём». Потом то же самое она стала делать и с конфетами. Вова ловко забирался на холодильник и доставал себе оттуда шоколадку, приносил ее Алине, но она не спешила открывать, несколько раз однообразно повторяла: открой, открой! На удивление, Вова не вредничал, казалось, ему была по душе эта игра. Он смотрел на шоколадку и терпеливо ждал, пока мама скажет свои слова и откроет ее. Конечно, до результата было еще далеко, но Алина была уверена, что результат непременно появится! Это ее воодушевляло.

Она установила сыну несколько игр на компьютер. Самых простых, чтобы он освоил мышку и научился сортировать предметы по цветам и посмотрел на буквы алфавита. Способности к освоению компьютера у него оказались необыкновенные. Мышку он освоил за два дня, а движущиеся машинки не только приводили его в полный восторг, но и подталкивали к обучению. Когда Алина слышала, как он, глядя на экран, тихонько бормочет что-то вроде «масина, масина», она придумала новое занятие. Алина достала с верхней полки шкафа видеокамеру, уже год пылившуюся без дела, и записала себя в маленьких коротких роликах, где повторяла буквально несколько слов: машина едет, это кубики, машина приехала. Потом то же самое она проделала с названиями частей тела – показывала и говорила: рука, нога, язык. Глядя на высунутый язык, Вова хохотал, почему-то больше всего ему нравилось именно это.

Как бы то ни было, процесс пошел! Когда Алина слышала что-то похожее на слова, она удвоила усилия. К съемкам она привлекла Семена. Сцена была очень простая: она давала мячик Семену, и они произносили три слова. Семен говорил «дай» – Алина протягивала ему мячик, произнося «на», Семен отвечал ей «спасибо». Для надежности сцену записали три раза. После этого Алина стала показывать ее Вове. К счастью, Вовик очень любил смотреть одно и то же много раз. Алина радовалась как сумасшедшая, потому что, посмотрев раз десять, Вова схватил мячик и стал бегать с ним по квартире. После этого он стал протягивать его то папе, то маме. Это было уже полдела.

Но конечно же, больше всего им хотелось услышать заветные слова. И это произошло прямо на следующее утро. Алина брала мяч, подбегала к Вове, давала ему его в руки. Вова внимательно смотрел по сторонам, казалось не замечая Алину, но мяч из рук не выпускал. Затем она протягивала к нему руки и, тщательно соблюдая интонацию, как на видеозаписи, говорила: «Дай!» Вова протянул руки с мячом и четко сказал: «На!» Алина еле сдержала подкатывающее к горлу счастливое рыдание, быстро сказала «спасибо» и побежала будить Семена.

– Иди, папочка, посмотри, чему мы научились!

Семен пришел в детскую и с интересом стал наблюдать за ними. Алина с Вовой повторили этот трюк еще два раза. Сейчас Вова напоминал обыкновенного ребенка, который дает мячик по просьбе матери. Алина ликовала. Затем она попыталась изменить ситуацию.

– Семен, теперь ты бери мячик, отдай его Вове, протягивай к нему руку и говори «дай».

Семен тщательно выполнил все инструкции. Он вложил мячик Вове в руки, присел на корточки, протянул к малышу руки и сказал: «Дай!»

– На! – радостно ответил мальчик и вручил мячик маме.

Алина рассмеялась.

– Ты видишь? Он привык, что мячик беру я. Ну конечно же.

Мячик упал на пол. Она повернулась к Вове, протянула ему руки и сказала:

– Дай!

Вова, радостный, довольный, что он понял наконец-то, чего от него хотят родители, протянул к ней руки и сказал:

– На!

Мячик валялся на полу. Улыбка на лице Алины померкла.

Просьбы выпросить у Семена деньги были безуспешны. Он уходил от разговора под самыми разными предлогами. Алина расстраивалась, злилась, недоумевала. Поскольку денег у нее было в обрез, она выбрала только занятия в центре «Дети и мир».

Первый визит ее, можно сказать, шокировал – она никогда еще не видела так много странных детей в одном месте. Мамашки, такие же суетливые и напряженные, как и сама Алина, бегали за своими малышами, пытались из раздеть, успокоить, усадить, чем-то занять.

И все-таки каждый ребенок был наособицу. Очень симпатичная девочка лет трех с должным выражением и мимикой читала вслух стихотворение и казалась совсем обычной. Пока не стала жадно нюхать только что снятые сандалии. Из комнаты для занятий вышел подросток лет двенадцати.

Необычайно толстый, в смешных штанах на подтяжках. Его встречала мама: «Лева! Лева, иди сюда!» Парнишка мотал головой, поглядывал в сторону матери, но не отзывался на призыв. Она встала, подошла к нему, взяла за руку, и они направились к вешалке.

Мальчугана лет четырех-пяти, с широким лицом и соломенными вихрами, привели родители, такие же светловолосые и широколицые. Ребенок, очевидно, совершенно был недоволен приходом в «Дети и мир». Когда всех детей повели в группу, он стал сопротивляться, потом долго кричал и бил ногами по стенам. Родители никак не могли уговорить его зайти в детскую комнату. Прождав еще минут пять и не получив согласия мальчика, отец просто поднял его на руки и внес в помещение для занятий. Оставил там и резво выскочил. Алина хмыкнула, глядя на эту его уловку.

Вова тоже не выказал желания идти со всеми, но терапевт, вышедшая посмотреть, остался ли в «предбаннике» кто-то еще, ловко схватила малыша за руку и сумела одновременно с отцом, вталкивающим шумного мальчика, втащить Вову в группу. Было слышно, как изнутри дверь закрыли на ключ.

Для самих мамочек тоже было предусмотрено занятие. В небольшой комнатке они расселись вокруг стола, во главе которого восседала Ирина Петровна.

– Ну, здравствуйте, – сказала Ирина Петровна, – будем знакомиться.

Мамы и папы начали представляться по кругу. Молодую пару, приведшую упрямого мальчишку, звали Ксюша и Андрей. Они приехали из далекого поселка между Новгородом и Череповцом. Там они не могли найти помощи сыну, поэтому пришлось ехать в Санкт-Петербург.

Невысокую симпатичную темноволосую и черноглазую девушку звали Манана. Она постоянно улыбалась. У ее сына было необычное имя Сандрик. Растила она его одна, без отца.

С девочкой Оленькой, любительницей сандалий, пришла бабушка Тамара Петровна. Родители Оленьки много работали, у них не было времени заниматься с дочерью.

В углу пристроилась хрупкая блондинка, Настя. Она как будто не обращала внимания на окружающих, но иногда в ее глазах мелькал бешеный чертик. Алина сразу вспомнила ее

сына Тошу, который в коридоре вел себя почти так же, как и его мама: осторожно поглядывал вокруг себя, но вдруг вскидывал кверху подбородок и разражался гомерическим хохотом.

А вот и Танюша. Она так и представилась – Танюша. Когда она заговорила, Алина поняла, что звонила недавно именно ей. Это была высокая статная женщина, с волосами натурального пепельного цвета. Алина такой цвет терпеть не могла, считая его грязным, мышиным. Холеная красавица Алина была уверена, что любая девушка, которой от природы дан такой ужасный цвет волос, просто из уважения к обществу обязана перекраситься во что-то более приличное. Но саму Танюшу, похоже, ничто не смущало. Никакой прически она тоже не делала, а незастенчиво собирала всю длину унылых волос в конский хвост. Одета она тоже была довольно странно: брюки и пиджак, который явно предполагалось носить с блузкой или юбкой, но Танюша надела под пиджак свитер. Танюша оказалась самой активной девушкой, и говорила больше всех именно она. Рассказывала, как проходят занятия. Так Алина подробнее узнала, что такое иппотерапия и дельфинотерапия, что здесь, в центре, есть музыкальная терапия и логопед. Сама Алина молчала, говорить ей было пока не о чем.

Ирина Петровна рассказывала о специальном летнем детском лагере, о том, что скоро будут набирать группы и какой сильный эффект оказывает на детей этот самый лагерь. Алина слушала вполуха, так как лагерь ее не очень волновал, он был предназначен для детей постарше Вовы. Думала она о том, что дети, с которыми она столкнулась в коридоре, так или иначе что-то лопотали. Ее Вова был единственным мальчиком, который вообще не говорил ни слова. Хотя родители и рассказывали обескураживающие истории, но, как бы там ни было, речь у этих малышей была.

Например, Манана рассказывала про сына Сандрика. Он просил шампунь, говорил: «Зеленый, зеленый». Манана перебрала все, что было в ванной комнате зеленого цвета, пока не догадалась, что он имеет в виду лягушку, нарисованную на бутылочке с шампунем. Алина втайне позавидовала Манане, сама она даже не мечтала, чтобы Вова говорил «зеленый» да еще и имел при этом в виду конкретный предмет!

Ксюша рассказывала, как было сложно с сыном Марком, потому что он совершенно бесстрашный и, кажется, вообще почти не чувствует боли.

Тамара Петровна пожаловалась, что Оленька всегда носит с собой по квартире любимую тряпочку, которую невозможно отобрать, даже чтобы постирать.

Послушав еще несколько историй, которыми охотно делились мамы, папы и бабушки, Алина осмелела и решила поделиться своими достижениями в обучении речи. Она начала рассказывать о компьютерной программе и видеозаписи, благодаря которой она научила Вову говорить «на» и «дай». Но по непонятной причине ее скромный рассказ вызвал сильнейшее раздражение строгой Ирины Петровны.

– Вот какой смысл в том, что вы учите его? – Юшкевич нервно постукивала карандашом о стол. – Он же просто копирует вас. Да, мальчик выучит несколько слов, но не сумеет употреблять их в той ситуации, когда они были бы уместны. Обучением на компьютере, с помощью видеокамеры вы задаете программу для робота. Понимаете, мы хотим, чтобы ваш сын перестал быть роботом. А то, что вы делаете, обратно тому, что делаем мы. В нашем центре мы пытаемся научить детей импровизации, общению, сделать их более человечными. А вы со своими программами сделаете их придатком для компьютера!

Алина даже не пыталась возражать, ошарашенная негативной реакцией. Меньше всего она ожидала, что ее незначительный эксперимент, который она тщательно продумала и опробовала, вызовет такую бурю протеста. Да, конечно, она в душе согласилась с Ириной Петровной, так как вспомнила печальный итог – радостное «на» и пустые руки сына. Но гневная тирада... это уже перебор, они, в конце концов, пришли всего лишь в первый раз.

Потом Алина только молчала, но жадно впитывала все, что здесь говорили. К концу занятия она стала понимать, что явно зря она полезла со своими идеями. Сначала нужно попро-

бовать то, что уже проверено другими. Но пока ничего принципиально нового, по сравнению с тем, что уже она успела прочитать в интернете, она не услышала. Самый главный вопрос, который интересовал ее: как вылечить Вову? – здесь даже не звучал. Использовались такие слова, как «социализировать», «адаптировать». Женщины интересовались, женятся ли аутисты, поступают ли в высшие учебные заведения, берут ли их на работу. Казалось, они совсем смирились с тем фактом, что их дети всегда будут не такие, как другие люди. Всегда особые.

Глава 6

Если Алина в связи с Вовиной болезнью была вся в делах и каждый день находила чем заняться, то у Семена с каждым днем дела шли все хуже. Первое время он еще суетился, пытаясь как-то вернуть свои права на патент, но постепенно понял, что так или иначе придется двигаться дальше. Его финансовая состоятельность резко пошатнулась, но даже не это вывело его из себя. Оказалось, что стабильность, которую он с таким трудом и усердием выстроил для себя, была мнимой. До сих пор все, чего он хотел, к чему стремился, само давалось ему в руки. Деньги, квартира, Алина – все было как в сказке! Хотя на самом деле это был точно продуманный план, над которым пришлось поработать. Но вдруг в один момент все стало рассыпаться как карточный домик. И проклятый женшень был здесь не единственной деталью.

Семен вспомнил: жизнь стала меняться с рождением сына. Да-да, как только Алина родила Вову, привычное существование Семена сразу изменилось, наступило что-то неприятное. Жизнь после рождения ребенка он рисовал себе в радужных красках. В его представлении они с Алиной, нарядные и веселые, живут прежней вольготной жизнью, ходят по театрам и выставкам, ужинают в ресторане, отдыхают в Европе или на островах. А за ребенком присматривает няня. По правде говоря, все сложилось как раз правильно: Алина хорошо справлялась с новой ролью, матерью она оказалась хорошей, но Семену уже тогда не понравилось, что ребенок прочно занял его место возле обожаемой Алины.

Прежде всего крест в их отношениях с женой был поставлен грудным вскармливанием. Семен пытался намекнуть, что не считает кормление ребенка матерью обязательным, но тут Алина встала на дыбы. В конце концов, материнский инстинкт никто не отменял и уж что-то, а грудное молоко для родного ребенка она жалеть не собиралась. Наряду с этим отпали вечерние мероприятия с фуршетами, так как Алина ничего не могла на них есть и практически не пила. В результате Вова был упитан и розовощек, а Алина грустила целыми днями.

Семен все чаще пропадал на работе.

И конечно, Зубова раздражало практически полное отсутствие секса. Справедливости ради надо заметить, что Алина никогда не была особо страстной, но Семен списывал это на неопытность и природную скромность. Но тем не менее ждал, что вот-вот в жене проснется ее женская сущность и тогда они смогут насладиться друг другом по-настоящему. Он слышал, что после родов женщина расцветает и созревает для самых ярких интимных отношений. Он ждал чуда. Но после рождения ребенка сексуальная жизнь прекратилась совсем. Алина не подавала никаких признаков желания и мужу уступала редко и неохотно. Первые полгода после рождения ребенка он вообще не знал, что делать. Никто, кроме Алины, ему абсолютно не был нужен, так что о других женщинах и речи быть не могло. Пачка непристойных журналов в ванной комнате – все, что ему оставалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.